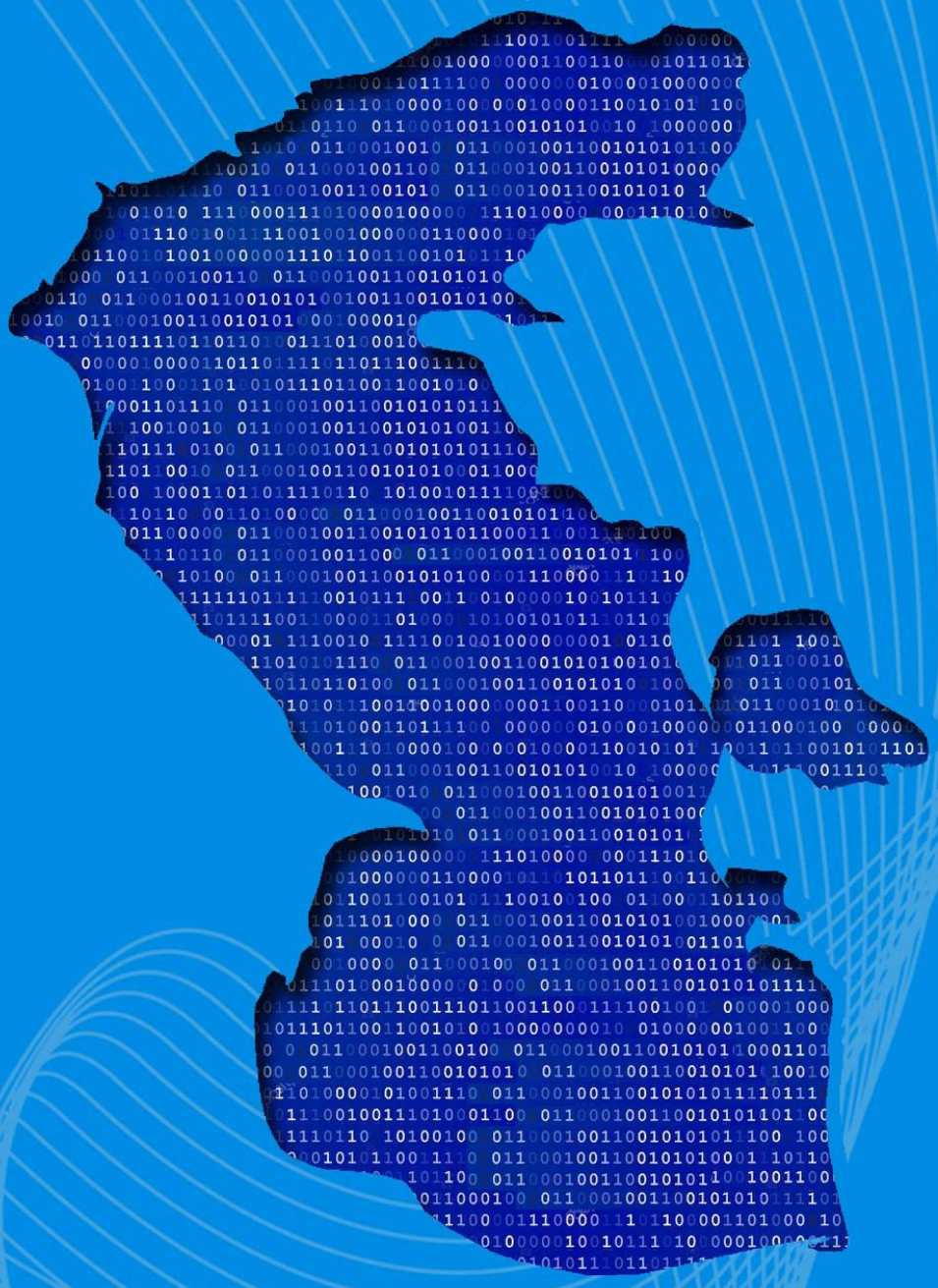


Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

Т.1 №3

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 1 No 3

2021

CASPIUM SECURITATIS:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 1 Номер 3

2021

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	***Anna P. Romanova,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Deputy Chief Editor	***Elena V. Khlyshcheva,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Literary editors	***Lydia G. Zolotykh,*** Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. **Sichuan, China** ***Olga Y. Kosmacheva,*** Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Literary editor of the English version	***Elena A. Yakovleva,*** chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Journal manager	***Dmitriy A. Chernichkin,*** researcher, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia**
Editorial Board	***Əli Məmməd oğlu Abbasov,*** Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. **Baku, Azerbaijan** ***Alexander N. Barmin,*** Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Baazr A. Bicheev,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. **Elista, Russia** ***Madina B. Gimbatova,*** Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. **Makhachkala, Russia** ***Sergey S. Zhiltsov,*** Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. **Moscow, Russia** ***Musa M. Ibragimov,*** Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. **Grozny, Russia** ***Pavel L. Karabuschenko,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia** ***Ayzhamal I. Kudaibergenova,*** Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. **Almaty, Kazakhstan** ***Natalia L. Kurepina,*** Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. **Elista, Russia** ***Oksana K. Mineva,*** Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia** ***Mohammad Tagi Mokhtari Behruz,*** PhD, Islamic Azad University. **Tehran, Iran** **Nail M. Mukharyamov,** Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. **Kazan, Russia** ***Rafik Kh. Usmanov,*** Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia** ***Maria M. Fedorova,*** Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. **Moscow, Russia** ***Anna V. Fedotova***, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. **Astrakhan, Russia** ***Reza KHEYRODDIN,*** (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). **Tehran, Iran** ***Arbakhan K. Magomedov***, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). **Moscow, Russia** ***Eugen Străuțiu***, Ph.D. professor Lucian Blaga University of **Sibiu Romania** ***Robert M Cutler*** Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo**, Canada** ***Vakhtang Maisaia,*** Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University**, Tbilisi, Georgia.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	***Анна Петровна Романова,*** д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Заместитель главного редактора	***Елена Владиславовна Хлыщева,*** д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Литературные редакторы	***Лидия Глебовна Золотых***, доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, **Китай** ***Ольга Юрьевна Космачева***, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Литературный редактор английской версии	***Елена Андреевна Яковлева***, главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Менеджер журнала	***Дмитрий Алексеевич Черничкин***, научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия**
Коллегия редакторов	***Али Мамед оглы́ Абба́сов,*** д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, **Азербайджан** ***Александр Николаевич Бармин,*** д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия** ***Баазр Александрович Бичеев,*** д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, **Россия** ***Мадина Багавутдиновна Гимбатова,*** д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, **Россия** ***Сергей Сергеевич Жильцов,*** д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, **Россия** ***Муса Муслиевич Ибрагимов,*** д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, **Россия** ***Павел Леонидович Карабущенко,*** д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия** ***Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова,*** д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, **Казахстан** ***Наталья Леонидовна Курепина,*** д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, **Россия** ***Оксана Карловна Минева,*** д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия** ***Мохаммад Таги Мохтари Бехруз,*** PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, **Иран** ***Наиль Мидхатович Мухарямов,*** д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, **Россия** ***Рафик Хамматович Усманов,*** д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия** ***Мария Михайловна Федорова,*** д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, **Россия** ***Анна Владиславовна Федотова***, д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, **Россия** ***Реза Хейроддин***, Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, **Иран** ***Арбахан Курбанович Магомедов***, д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, **Россия** ***Юджин Штраутиу***, Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, **Румыния** ***Роберт М.Катлер,*** доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо**. Канада** ***Вахтанг Майсая,*** д. полит. н.**,** профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, **Грузия.**

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущихспециалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

С уважением,

редакция журнала

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Content

THEORETICAL ASPECTS OF SEFETY & SECURITY

Guri I. Yusupova, Karina M. Magomedalieva
REGIONAL SAFETY AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS 11-19

Elena A. Omelchenko, Marina A. Krivenkaya
INTEGRATION OF CHILDREN FROM FAMILIES OF OTHER
ETHNICITIES MIGRANTS IN THE CONTEXT
OF NATIONAL SECURITY 20-33

GEOPOLITICAL SAFETY & SECURITY

Oleg V. Stoletov
DEVELOPMENT TRENDS OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN THE CASPIAN MACRO-REGION IN THE CONTEXT OF CURRENT
GEOPOLITICAL CHALLENGES 34-42

Irina V. Kucheruk
FEATURES OF THE CULTURAL COMPONENT OF THE
«NEW BIG GAME» IN THE CASPIAN REGION
IN THE CONTEXT OF GAME THEORY 43-53

Sergey A. Khrapov
INFORMATION SECURITY OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE
OF THE CASPIAN SEA 54-63

Zaid Abdulagatov
PROBLEMATIC ISSUES OF RUSSIAN PATRIOTISM
(THE REPUBLIC OF DAGESTAN CASE STUDY) 64-75

CRITICISM & REVIEWS

Sarakaeva Asia
REVIEW OF MONOGRAPH THE ARCHEOLOGY OF MEDIEVAL
ISLAMIC FRONTIERS FROM THE MEDITERRANEAN
TO THE CASPIAN SEA. 76-79

Содержание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Юсупова Гурия Ислангараевна, Магомедалиева Карина Магомедовна
РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬКАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА 11-19

Омельченко Елена Александровна, Кривенькая Марина Александровна
ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 20-33

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Столетов Олег Владимирович
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КАСПИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 34-42

Кучерук Ирина Владимировна
ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ «НОВОЙ БОЛЬШОЙ ИГРЫ» В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИГР 43-53

Храпов Сергей Александрович
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИКАСПИЯ 54-63

Абдулагатов Заид Магомедович
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН) 64-75

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Саракаева Ася
ОБЗОР МОНОГРАФИИ THE ARCHEOLOGY OF MEDIEVAL ISLAMIC FRONTIERS FROM THE MEDITERRANEAN TO THE CASPIAN SEA 75-79

REGIONAL SAFETY AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Guri I. Yusupova

Regional Center for Ethnopolitical Studies of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala
E-mail: Huria@list.ru

Karina M. Magomedalieva

Senior Lecturer of the Department of Ontology and the theory of Knowledge of the Dagestan State University. Russia, Makhachkala
E-mail: karina557@mail.ru

ABSTRACT

The main aim of the article is a systematic study of such an object of political analysis as regional security. The urgency of the problem is due to the growth of modern challenges to national security at the levels of the state and its individual regions. The regional security of the North Caucasus region was chosen as the subject of the study. Over the past decades, the region has been one of the serious hotbeds of interethnic contradictions and conflicts, ethno-political, ethno-confessional, intra-confessional instability, the spread of radical extremist ideology, ideology and practice of religious terrorism, ethno-separatist aspirations, lingering latent threats of domestic political, socio-economic. Ethno-cultural development. Each region of Russia is an integral socio-spatial form of organization, at the same time a subsystem within a larger system of Russian social space. The social system is an extremely complex system that has its own management laws and internal development mechanisms. The authors of the article used a systematic approach, a dialectical approach, and an interdisciplinary approach as methods of studying regional security problems.

As a result of the study of the current situation in the North Caucasus region, the article highlights and examines the most important methodological approaches to a comprehensive system analysis of the regional aspect of national security. These approaches allow us to analyze the subject of regional security: to identify and rank the main risks of regional security, to investigate the causes of the spread of religious extremism and terrorism in the region as a serious threat to security at the state and regional level. Based on the results of a systematic analysis of this scientific problem, the authors of the article concluded that the formation and effective functioning of the regional security system contributes to countering challenges not only to regional, but also to national, state interests.

KEYWORDS

national security; national interests; regional security; systemic approach; region; North Caucasus; extremism; religious terrorism; threats and challenges; inter-ethnic contradictions.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Юсупова Гурия Исланграраевна

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Россия, Махачкала
E-mail: Huria@list.ru

Магомедалиева Карина Магомедовна

Дагестанский государственный университет, Россия, Махачкала
E-mail: karina557@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является системное исследование такого объекта политологического анализа, как региональная безопасность. Актуальность проблемы обусловлена ростом современных вызовов национальной безопасности на уровне государства и его отдельных регионов. В качестве предмета исследования выбрана региональная безопасность Северо-Кавказского региона. На протяжении последних десятилетий регион был одним из серьезных очагов межэтнических противоречий и конфликтов, этнополитической, этноконфессиональной, внутриконфессиональной нестабильности, распространения радикальной экстремистской идеологии, идеологии и практики религиозного терроризма, этносепаратистских устремлений, сохраняющихся латентных угроз внутриполитического, социально-экономического, этнокультурного развития. Каждый регион России является целостной социально-пространственной формой организации и в то же самое время подсистемой в рамках более крупной системы российского социального пространства. Социальная система является сверхсложной системой, имеющей свои законы управления и внутренние механизмы развития. В качестве методов исследования проблем региональной безопасности авторами статьи использованы системный подход, диалектический подход, междисциплинарный подход.

В результате исследования сложившейся в Северо-Кавказском регионе ситуации в статье выделены и рассмотрены наиболее важные методологические подходы комплексного системного анализа регионального аспекта национальной безопасности. Эти подходы позволяют нам анализировать предмет региональной безопасности: определить и ранжировать основные риски региональной безопасности, исследовать причины распространения в регионе религиозного экстремизма и терроризма как серьезной угрозы безопасности на государственном и региональном уровне.

По итогам системного анализа данной научной проблемы авторами статьи сделан вывод, что формирование и эффективное функционирование системы региональной безопасности способствует противодействию не только региональным вызовам, но и общенациональным, государственным интересам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная безопасность; национальные интересы; региональная безопасность; системный подход; регион; Северный Кавказ; экстремизм; религиозный терроризм; угрозы и вызовы; межэтнические противоречия.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность вопроса обусловлена ростом все новых угроз и вызовов безопасности всего мирового сообщества, отдельных государств, регионов, социальных групп, а также отдельной личности (Прохожев, 2006, с. 5).

К традиционным рискам национальной безопасности российского социального пространства сегодня добавились новые, связанные с COVID-19, ростом социального расслоения, социальной поляризации, количества малообеспеченного и социально незащищенного населения. Усиливаются и внешние угрозы национальной безопасности РФ, обусловленные незавершенностью геополитических трансформаций на Южном Кавказе, эскалацией напряженности с приходом к власти в Афганистане талибов – экстремистской организации, запрещённой в РФ, усилением политики санкционных ограничений западных стран в отношении России.

Целью данной статьи является исследование такого объекта научного анализа, как региональная безопасность. В данном случае мы рассматриваем региональную безопасность именно в рамках региона Российской Федерации. Каждый из них имеет свою специфику, обусловленную особенностями геополитического положения и статуса, внутренними характеристиками социального, экономического, этнополитического, этноконфессионального, социокультурного развития, соответственно в каждой из перечисленных сфер имеются свои угрозы и риски. Каждый регион России является целостной социально-пространственной формой организации и в то же самое время подсистемой в рамках более крупной системы российского социального пространства. Социальная система является сверхсложной системой, имеющей свои законы управления и внутренние механизмы развития. В качестве методов исследования проблем региональной безопасности, как правило, применимы системный подход, диалектический подход, междисциплинарный подход.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблемы национальной безопасности активно исследуются отечественными учеными уже более тридцати лет. В последние годы в отечественном научном дискурсе сложилась вполне зрелая методологическая парадигма исследований региональной безопасности. А.А. Прохожев и И.А. Карманов считают, что безопасность системы зависит от ее эффективного функционирования. «Успехи в развитии расширяют также и возможности обеспечения безопасности» (Прохожев, 2006, с. 36).

Формирование и эффективное функционирование системы региональной безопасности способствует противодействию не только региональным вызовам, но и общенациональным, государственным интересам. В работе «Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика)»

под общей редакцией А.В. Возженникова, выделяются основные параметры таких систем в рамках целостной мегасистемы: надежность, которая должна обеспечивать выполнение целей системы в рамках мегасистемы, разумная достаточность сил и средств, устойчивость, целостность.

В изучении проблем безопасности все чаще используются возможности системно-синергетический методологии. В рамках этой методологии социальное пространство региона мы рассматриваем как сложную систему, функционирующую согласно нелинейным законам. Такой подход позволяет анализировать функциональные параметры и особенности нелинейных взаимодействий сложно эволюционирующих, нестабильных систем, каковыми мы считаем регион. Исходя из этого, мы рассматриваем соответственно и региональную безопасность как часть государственной национальной безопасности. Опираясь на данный подход, мы можем выделить, провести диагностирование и системный анализ экономической, социальной, этнополитической, этноконфессинальной, духовной безопасности региона, ранжировать и тщательно исследовать угрозы и опасности в данных аспектах.

Различные аспекты национальной и региональной безопасности в постсоветский период рассматриваются в научных трудах таких отечественных ученых, как К.С. Гаджиев, А.В. Возженикова, В.В. Волкова, Д.О. Рогозина, Т.А. Скворцовой, С.В. Петровой и многих других. Региональное измерение проблем безопасности имеет различные аспекты и уровни, что позволяет нам выделить, опираясь на типологизацию различных сфер функционирования социальной системы, отдельные виды безопасности: о которых говорилось выше. В последние годы многочисленные аспекты именно регионального измерения национальной безопасности стали предметом исследования таких ученых, как М.А. Аствацатурова, А.В. Володина, В.К. Левашова, С.Н. Епифанцев, И.А. Карманов, А.А. Прохожев, З.А. Гаджет, Г.И. Юсупова. Так, различные аспекты региональной безопасности исследованы в монографиях Г.И. Юсуповой «Геополитические и этнополитические аспекты безопасности Юга России в условиях глобализации» (Махачкала, 2006); «Этнополитическая безопасность Юга России в условиях глобализации» (Махачкала, 2010).

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (РЦЭИ ДФИЦ РАН) в 2019 году выпустил коллективную монографию «Этнополитические и конфессиональные аспекты обеспечения региональной безопасности». На примере Северо-Кавказского региона в книге исследованы этнополитические и этноконфессиональные проблемы безопасности.

Таким образом, применение системного подхода (если рассматривать его в широком смысле, он включает в себя системный анализ, системный синтез, моделирование и прогнозирование), возможностей системно-синергетической методологии в изучении такого предмета современного научного анализа, как региональное измерение национальной безопасности, обеспечило переход к программно-целевому подходу в разработке научно-методологических основ

государственной стратегии национальной безопасности и защиты национальных интересов.

Важным подходом в формировании методологической матрицы исследуемой проблемы является междисциплинарность, так она изучается в рамках различных научных дисциплин: социальной философии, политологии, регионоведения, социологии, экономики, культурологии и других. В каждой области социально-гуманитарного знания, в которой региональная безопасность является предметом научного анализа, исследуются те аспекты и особенности, которые являются для неё приоритетными. Во всех них применяется в то же время диалектический подход, на основе которого вскрываются внутренние противоречивые корни и составляющие вопроса, принципы развития, стабильного функционирования социального пространства региона как сложной эволюционирующей системы в рамках мегасистемы.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Среди современных угроз национальной и региональной безопасности выделяют новый региональный сепаратизм (в отличие от радикального сепаратизма 90-х годов прошлого века, инициированного лозунгом Б.Н. Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сумеете проглотить»), который по объективным и субъективным причинам зреет в ряде регионов РФ (Шатилов, 2021, с. 22-26). Существует точка зрения, что чиновники и бюрократы не способны создать современную, адекватно реагирующую на новые угрозы и риски нормативно-правовую основу национальной безопасности РФ, потому что у них всегда будут преобладать «корпоративно-ведомственные интересы и лоббистские устремления» (Беляев, Чапчиков, 2018, с. 31-41).

Северо-Кавказский регион является системой в рамках социальной мегасистемы Российской Федерации. Под региональной безопасностью мы рассматриваем устойчивое стабильное развитие социального пространства региона, для которого необходимостью является формирование эффективной системы противодействия новым угрозам и рискам.

В.В. Узунов предлагает следующую авторскую дефиницию региона, которая сформулирована им в рамках пространственной парадигмы, структурного и институционального подходов. Регион, как отмечает данный исследователь, это отдельная социальная пространственная единица в рамках конкретных временных границ (Узунов, 2019, с. 216). Таким образом, регион существует, как и любая другая сложная социальная система, в конкретном пространственно-временном континууме. Стабильность и безопасность такой социальной единицы обеспечивается определенными законами развития.

Обеспечение устойчивого развития государства, как и его субъектов, невозможно без повышения эффективности обеспечения национальной и региональной безопасности (Азимов, 2021, с. 79-83). Попова Л.А. подчеркивает

важность определения ключевых компонентов, формирующих и определяющих современные риски и вызовы системам государственной и региональной безопасности (Попова, 2021, с. 41-53).

Среди основных угроз региональной безопасности, как правило, выделяют этнический сепаратизм, межэтнические противоречия и конфликты, вызовы, обусловленные низким уровнем показателей социально-экономического развития региона, миграционными процессами. Остановимся в рамках данной статьи на наиболее опасной угрозе региональной и национальной безопасности – религиозном экстремизме и терроризме. Применение системного подхода к его исследованию позволяет нам анализировать более глубоко причины распространения террористической практики и экстремистской идеологии на Северном Кавказе в постсоветский период его истории.

Опираясь на научный метод системного анализа, М.Ю. Зеленцов выделяет комплекс ключевых фундаментальных факторов, повлиявших на переход современного молодого человека на путь террористической практики (Зеленцов, 2021, с. 46-70). Некоторые исследователи исходными причинами религиозного терроризма считают наряду с социально-экономическими факторами (бедность, глобальное социальное неравенство) попытки силового распространения и насаждения политической модернизации и демократизации в духе западных стандартов в традиционных обществах (Ларченков, Рыжов, 2021, с. 67-71).

Один из ведущих отечественных ученых, исследующих проблемы распространения религиозного экстремизма и терроризма, И.П. Добаев выделяет внешние и внутренние причины распространения террористической практики в регионе. В частности, к внешним причинам он относит «геополитические проекты основных внешних сил, проецирующих своё влияние на Юг России» (Добаев, 2020, с. 5-20). Характеризуя внутренние причины распространения терроризма, он выделяет механизмы социальной и политической мобилизации и радикализации в исламе. К ним он, в частности, относит наличие различных течений в северо-кавказском региональном исламе (Добаев, 2020, с. 20-25). То есть одной из внутренних причин радикализации ислама на Северном Кавказе И.П. Добаев считает внутрирелигиозные противоречия и неоднородность современного ислама. Отсутствие «единого правоверия» и «центра принятия решений» предопределило процессы политизации и радикализации ислама, как отмечает автор в своей монографии (Добаев, 2014, с. 34).

В первую очередь религиозный экстремизм и терроризм нашёл распространение в молодежной среде региона, поэтому возросло значение в системе комплекса мер противодействия распространению идеологии терроризма воспитательной работы со студентами вузов как основного противовеса распространению экстремистской идеологии (Мартынова, 2020, с. 28-32).

Важным фактором обеспечения региональной безопасности Северо-Кавказского региона в ближайшей перспективе по-прежнему остаётся противодействие религиозно-политической идеологии исламизма как идеологического прикрытия современного религиозного экстремизма и

терроризма, несмотря на то что он «проявляет высокую степень адаптации к используемым против него методам» (Черевков, 2021, с. 5).

Новой угрозой региональной безопасности стало возвращение в регион уехавших в Сирию молодых людей, воевавших на стороне ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) (Азимов, 2019, с. 9-22). Усиление современных рисков и вызовов региональной безопасности вызывает потребность разработки комплексной системы современных теоретических методов анализа данной проблемы, создания соответствующей методологической матрицы исследования.

Безопасность регионов с нестабильными параметрами социально-экономического, этнополитического, этноконфессионального развития, сохраняющего латентную угрозу устойчивому функционированию, играет важную роль в обеспечении государственной национальной безопасности. Учитывая сложную и нестабильную внешнеполитическую ситуацию, новые риски социального характера, Северный Кавказ продолжает накапливать конфликтогенный потенциал, преодоление которого реально возможно только в рамках общероссийской стабильности, на базе сбалансированной и эффективной государственной национальной политики.

ВЫВОДЫ

Системный анализ исследования сложившейся в регионе ситуации позволяет нам рассматривать сам регион в качестве объекта национальной государственной безопасности.

Авторами выделены и рассмотрены наиболее важные методологические подходы исследования региональной безопасности в условиях сохранения на протяжении длительного периода конфликтогенных факторов и угроз стабильности и безопасности, а также возникновения новых угроз и рисков как внешнего, так и внутреннего характера.

Эти подходы позволяют нам анализировать предмет региональной безопасности: определить и ранжировать основные риски региональной безопасности, исследовать причины распространения в регионе религиозного экстремизма и терроризма как серьезной угрозы безопасности на государственном и региональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азимов, Ф.А. (2021). Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. *Власть, 4*, 79-83.

Азимов, К.С. (2019). Возвращение эксджихадистов на родину. Возможные риски. *Россия и мусульманский мир, 4*, 19-22.

Беляев, В.П., Чапчиков С.Ю. (2018). Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности: некоторые направления. *Актуальные проблемы российского права*, *9*, 31-41.

Добаев, И.П. (2014). *Радикализация ислама в современной России*. Москва, Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания.

Добаев, И.П. (2020). Механизмы социальной и политической мобилизации в радикальном исламе. *Россия и мусульманский мир, 1*, 20-25.

Добаев, И.П. (2020). Внешние факторы геополитических процессов на Юге России в условиях глобализации и регионализации. *Россия и мусульманский мир, 3*, 5-20.

Зеленцов, М.Ю. (2021). Комплекс факторов, способствующих современному религиозному терроризму. *Вопросы безопасности, 1*, 46-70.

Ларченков, В.В., Рыжов О.А. (2021). Политические конфликты как первопричина терроризма. *Власть, 4*, 67-71.

Мартынова, М.Д. (2020). Воспитательная работа со студентами вузов как основа профилактики распространения идеологии терроризма. *Вестник НАК, 2*, 28-32.

Попова, Л.А. (2021). Глобальная угроза терроризма: современное состояние и меры противодействия. *Вопросы безопасности*, *2*, 41-53.

Прохожев, А.А. (2006). *Теория развития и безопасности человека и общества*. Москва: Ин-Октаво.

Прохожев, А.А., Карманов, И.А. (2004). *Регионы России: социальное развитие и безопасность.* Москва: Типография «Новости».

Узунов, В.В. (2019). Социальная консолидация и инновационное развитие регионального пространства Юга России: методологическая схема исследования. *Гуманитарий Юга России*, *3*, 216-230.

Черевков, О.С. (2021). Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте укрепления национальной безопасности России. *Россия и мусульманский мир, 3*, 5-18.

Шатилов, А. Б. (2021). Новый региональный сепаратизм в Российской Федерации (2014-2021 гг.). *Власть*, *4*, 22-26.

Для цитирования: Юсупова, Г.И., Магомедалиева, К.М. (2021). Региональная безопасность как объект научного анализа. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 11-19.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-011-019

REFERENCES

Azimov, F.A. (2021). Strategy of National Security of the Russian Federation. *Vlast Publ.*, 4, 79-83. (in Russian)

Azimov, F.A. (2019). Repatriation of Ex-Jihadists: Possible Risks. *Russia and the Moslem world, 4*, 19-22. (in Russian)

Beliaev, V.P. & Chapchikov S.Iu. (2018). Enhancement of the Mechanism for Ensuring Russia's National Security: Some Directions. *Actual Problems of Russian Law, 9*, 31-41. (in Russian)

Dobaev, I.P. (2014). *The Radicalization of Islam in Modern Russia*. Moscow, Rostov-on-Don: Sotsialno-gumanitarniye znaniya Publ. (in Russian)

Dobaev, I.P. (2020). The Mechanism of Social and Political Mobilization in Radical Islam. *Russia and the Moslem world*, *1*, 20-25. (in Russian)

Dobaev, I.P. (2020). External Factors of Geopolitical Processes in the South of Russia in the Context of Globalization and Regionalization. *Russia and the Moslem world, 3*, 5-20. (in Russian)

Zelentsov, M.Iu. (2021). A Set of Factors Contributing to Modern Religious Terrorism. *Voprosy bezopasnosti, 1*, 46-70. (in Russian)

Larchenkov, V.V., Ryzhov O.A. (2021). Political Conflicts as the First Cause of Terrorism. *Vlast Publ., 4*, 67-71. (in Russian)

Martynova, M.D. (2020). Educational Work with University Students as a Basis for Preventing the Spread of the Terrorism Ideology. *Vestnik NAK*, *2*, 28-32. (in Russian)

Popova L.I. (2021). Global Terrorism Threat: Current Situation and Preventive Measures. *Security Issues, 2*, 41-53. (in Russian)

Prohozhev, A.A. (2006). *Theory of the Development and Security of Man and Society*. Moscow: Institute of octave, 288 p. (in Russian)

Prohozhev, A.A., Karmanov I. A. (2004). *Regions of Russia: Social development and security*. Moscow: News. (in Russian)

Uzunov, V. V. (2019). Social Consolidation and Innovative Development of the Regional Space of the South of Russia: Methodological Scheme of Research. *Humanities of the South of Russia, 3*, 216-230. (in Russian)

Cherevkov, O.S. (2021). The Problem of Countering the Religious and Political Ideology of Islamism in the Context of Ensuring the National Security of Russia. *Russia and the Moslem world, 3*, 5-18. (in Russian)

Shatilov, A.B. (2021). New Regional Separatism in the Russian Federation (2014-2021) *Vlast Publ, 4*, 22-26. (in Russian)

For citation: Yusupova, G.I., & Magomedalieva, K.M. (2021). Regional Safety as an Object of Scientific Analysis. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security, 1*(3), 11-19.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-011-019

INTEGRATION OF CHILDREN FROM FAMILIES OF OTHER ETHNICITIES MIGRANTS IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Elena A. Omelchenko

Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow
E-mail: ea.omelchenko@mpgu.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Marina A. Krivenkaya

Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow
E-mail: ma.krivenkaya@mpgu.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8338-510X

ABSTRACT

Migration processes that increase in the modern world lead to the growth of extremism manifestations in society and cause tensions in different regions of the planet. Education systems face the problems of both the integration of migrants into educational process and their broader adaptation to the socio-cultural realities of the host society. The successful resolution of these problems affects economic growth and directly connects to socio-political stability in society.

Education is not only one of the main tools for the integration of migrants. It is through education that intercultural competence, skills of intercultural dialogue and tolerance toward representatives of other ethnicities and religions take shape in order to prevent interethnic and interreligious conflicts. This is the responsibility of education policy makers, but also of teachers and local administrators of educational organizations.

States in all parts of the world, including Russia, are to solve the problems of education and adaptation of children from migrant families. This article analyzes the possibilities of their solution in the context of national security as well as in connection with the challenges that the world education system is experiencing due to the pandemic.

KEYWORDS

international migration; migrant; migration processes; education; cultural exclusion; linguistic and sociocultural adaptation; intercultural interaction; integration by means of education; national security; pandemic.

ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Омельченко Елена Александровна

Московский педагогический государственный университет,
Россия, Москва
E-mail: ea.omelchenko@mpgu.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Кривенькая Марина Александровна

Московский педагогический государственный университет,
Россия, Москва
E-mail: ma.krivenkaya@mpgu.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8338-510X

АННОТАЦИЯ

Миграционные процессы, нарастающие в современном мире, приводят к росту проявлений экстремизма в обществе и являются причиной напряженности в разных регионах мира. Системы образования сталкиваются с проблемами и интеграции мигрантов в процесс обучения, и более широкой их адаптации к социокультурным реалиям принимающего общества. Успешное решение этих проблем влияет на экономический рост и напрямую связано с социально-политической стабильностью в обществе.

Сфера образования – не только один из основных инструментов интеграции мигрантов. Средствами образования и просвещения формируется межкультурная компетентность, навыки межкультурного диалога и толерантность по отношению к представителям иных этносов и религий в целях профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Это сфера ответственности тех, кто определяет образовательную политику, но также учителей и администрации образовательных организаций на местах.

Проблемы обучения и адаптации детей из семей мигрантов вынуждены решать государства всех частей света, и Россия – не исключение среди них. Авторы настоящей статьи анализируют возможности их решения в контексте национальной безопасности, а также в связи с вызовами, которая мировая система образования испытывает вследствие пандемии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная миграция; мигрант; миграционные процессы; образование; культурное отчуждение; языковая и социокультурная адаптация; межкультурное взаимодействие; интеграция средствами образования; национальная безопасность; пандемия.

ВВЕДЕНИЕ

Следствием происходящих в мире активных миграционных процессов стало формирование во многих регионах планеты новой социокультурной реальности, связанной с притоком иноэтничных мигрантов – выходцев из иных социумов, воспитанных в культурных традициях, отличных от традиций принимающих их обществ. Рост числа мигрантов нередко приводит к созданию в разных странах замкнутых этнических сообществ, поддерживающих и воспроизводящих определенную социально-культурную среду (Омельченко, 2021, стр. 23). Данная среда во многом характеризуется напряженностью, представляет собой средоточие предпосылок для формирования социальных конфликтов. Особое внимание следует обратить на зоны культурного пограничья и отчуждения, которые сопровождают процессы инкультурации мигрантов в принимающем обществе (Кривенькая, 2021, стр. 655). Наличие подобных сред и зон представляет особую опасность для национальной безопасности на государственном и региональном уровнях.

В результате этих процессов фокус проблем миграционной политики все больше смещается в социально-культурную сферу, затрагивая различные системы принимающего общества, в том числе наиболее активно – сферу образования. Особое значение приобрели вопросы вторичной социализации мигрантов, их адаптации к принимающей среде и далее – их полноценной интеграции в это общество.

Образование дает преимущества как конкретным людям, так и обществу в целом. Оно формирует навыки, которые позволят стать более успешными в жизни, а, следовательно, получить более высокие доходы. Это дает шанс вырваться из круга хронической бедности и способствует профилактике проявлений экстремизма. Образование также способствует лучшему взаимопониманию между членами общества, тем самым снижают градус конфликтности, появления маргинальных групп, культурного отчуждения.

По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2020 году количество международных мигрантов во всем мире достигло 281 млн человек, по сравнению с 221 млн в 2010 году и 173 млн в 2000 году. Количество прибывших в разные страны мира людей превысило показатели роста населения: доля международных мигрантов в общей численности населения мира увеличилась с 2,8% в 2000 году до 3,2% в 2010 году и до 3,6% в 2020 году (United Nations, 2020, с. 7).

Одна из наиболее уязвимых категорий мигрантов – это дети. В мировом масштабе общее число детей, находящихся в миграции (по-английски их часто называют «children on the move»), в 2019 году составляло приблизительно 31 млн человек (UNICEF, 2021). Число несовершеннолетних мигрантов год от года растет, но точных цифр в разрезе стран и регионов, к большому сожалению, не собирается; в том числе не имеется полных данных о доступе детей из семей мигрантов к получению образования.

ДОСТУП К КАЧЕСТВЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Право на образование – одно из базовых прав человека и ребенка, утвержденных целым рядом международных нормативных документов. С начала 2000-х гг. в большинстве стран доступ к образованию стал обязательным, в том числе для детей мигрантов, однако в вопросах качества и равенства прогресс менее заметен (Education Commission, 2016). Дети мигрантов во многих странах имеют доступ к получению лишь базового, преимущественно начального, образования (UNESCO, 2017). На правовые барьеры, с которыми могут встретиться такие ученики, значительно влияет вид совершенной родителями миграции. Гораздо больше препятствий для доступа к системе образования ждет нелегальных мигрантов, детей без сопровождения, детей, не имеющих гражданства, детей, не имеющих документов, и сезонных мигрантов.

Основная проблема в картировании тенденций изменения в сфере образования детей мигрантов – отсутствие данных на этом направлении, сравнимых в международном контексте, особенно по странам с низким и средним уровнем дохода. Там, где данные доступны, становится очевидным, что в плане доступа к образованию и образовательных результатов ученики-иммигранты встречаются с трудностями большими, чем их сверстники, живущие в данной стране (OECD, 2015).

В 2016 году в мире было зарегистрировано 11 миллионов детей, относящихся к категории беженцев или лиц, ищущих убежище. По данным УВКБ ООН за 2016 год, это примерно чуть более половины всего количества беженцев. Примерно 1,75 миллионов детей в возрасте от 7 до 12 лет и до пандемии не посещали школу. Процент детей, находящихся вне системы образования, варьируется от 80% в Египте и Йемене до 40% в лагерях для беженцев, действующих в Пакистане. Контраст со средними цифрами по миру значительный: по всему миру процент вовлеченности детей в школьное образование составлял около 75%, в странах с низким уровнем дохода – 40% (UNESCO, 2016).

Большие потоки иммиграции могут оказать негативное влияние на системы образования, особенно если страна приема не имеет инфраструктуры и ресурсов для быстрого включения в образовательную среду значительного числа новых учеников. Демографические изменения и растущий спрос на образование, вызванный миграционными потоками, нередко приводят к переполнению школ и падению качества образования, к формированию классов большего размера и формированию более сложного по языковому и этническому составу коллектива учащихся, разнородного с точки зрения умений и владения социальными нормами. Например, быстрый рост числа беженцев в Иордании и Ливане привел к появлению вторых смен в школах для сирийских учеников, что оказало негативное влияние как на школьников, так и на учителей (Dryden-Peterson, Adelman, 2016).

Особенности систем образования и школ также заметно влияют на результаты обучения детей мигрантов. Школьники-мигранты, происходящие из одной страны и имеющие схожие социально-экономические характеристики, показывают разные

результаты, в зависимости от школы, которую они посещают. Например, успехи мигрантов с родным арабским языком в Нидерландах – более высокие, чем достижения обучающихся из таких же стран, которые эмигрировали в Катар (OECD, 2015).

Язык обучения может стать главным препятствием для интеграции учащихся из семей мигрантов, даже если они приняты в школу и посещают занятия. В США, например, большой проблемой стало значительное число детей, изучающих английский как неродной, среди мигрантов второго поколения (у которых по крайней мере один родитель происходит из США). Фактически это означает, что родители таких детей, несмотря на факт рождения и получение образования в Штатах, совсем не учили английский даже в пределах школьной программы. Потенциально это является препятствием для широкой интеграции как родителей, так и детей (Fix, McHugh, 2009).

Экспертами подсчитано, что примерно 40% населения мира не имеют доступа к образованию на том языке, на котором они говорят и который понимают (UNESCO, 2016a, стр. 24). Особенно болезненно это для стран с большим разнообразием языков, где проживают и много детей из семей мигрантов. Некоторые из этих стран предпринимают усилия, чтобы признать важность обучения детей на их родном языке и внедрить соответствующие программы. Их лучшие практики могут быть использованы в качестве примеров в начальном образовании детей мигрантов в целом. Обучение на родном языке дает детям возможность лучше усвоить начальные навыки. Есть также данные о том, что использование родного языка поддерживает в детях из семей мигрантов чувство самоуважения и способствует достижению ими лучших образовательных результатов. В разных странах такое обучение организовано по-разному: где-то процесс централизован законодательно, где-то вопросы решаются в порядке инициативы на местах.

Среди специалистов до сих пор идут споры, следует ли сразу вводить детей из семей мигрантов в основные классы или вначале давать им возможность адаптироваться в особых группах (классах). В 2015 году в Организации по экономическому сотрудничеству и развитию пришли к выводу о том, что дети из семей мигрантов, пережившие «погружение» в основные классы, в 15-летнем возрасте показывают на тестировании PISA более высокие результаты. По мнению ряда специалистов, введение интенсивного обучения государственному языку детей иммигрантов в отдельных группах оказывает негативное воздействие «через формирование и закрепление у детей иммигрантов чувства отличия, заниженной самооценки
и стереотипного восприятия своей культуры» (Ломакина, 2015, стр. 22). Есть и обратные данные: гораздо большие успехи наблюдаются у тех учеников из семей мигрантов, которые вначале посещали отдельные занятия с целью интенсивного изучения языка. Очень важно при этом не объединять группы для детей, нуждающихся в языковой поддержке, с группами для детей с ограниченными возможностями. Дети из семей мигрантов часто включаются именно в эти группы,

даже если у них не диагностируют учебные проблемы. Такие решения только подчеркивают отличия детей мигрантов и не способствуют их быстрому включению в образовательный процесс.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ

Интеграция детей в школах играет важную роль в социальной интеграции их семей в принимающее общество. На практике, однако, не все так просто, особенно для семей нелегальных мигрантов, которые не желают взаимодействовать с работниками школы, где учатся их дети, из опасения раскрыть свой правовой статус. Далеко не все учителя в мире владеют навыками инклюзивного образования и готовы работать со сложным контингентом обучающихся – как по уровню подготовки, так и с психологической точки зрения. Работа с поликультурными и многоязычными классами требует от учителей владения разнообразными технологиями языковой, социальной и культурной адаптации обучающихся. Педагоги должны помогать детям следовать по индивидуальным образовательным траекториям, взаимодействовать с учениками и их родителями, понимая разные культурные практики и применяя навыки межкультурной коммуникации. Важно также включать в образовательные программы разные виды деятельности, нацеленные на освоение культуры мира. Такой подход не только нацеливает учебный и воспитательный процесс на достижение задач мирного и устойчивого развития, но и способствует социальному сплочению.

Данных, чтобы оценить уровень проблемы обучения и интеграции детей мигрантов в мировом масштабе, пока недостаточно. Невозможно точно сказать, в какой степени дети из семей мигрантов имеют доступ к образованию, какими и в какой степени обладают нужными навыками их учителя, какие у детей образовательные результаты. При этом из вышесказанного очевидно, что обеспечить полный доступ к образованию мешают языковые, правовые и социально-экономические барьеры. Основные неблагоприятные данные – это слабые образовательные результаты обучающихся из семей мигрантов и ограниченность жизненных навыков, формируемых образовательными программами. Эти данные прослеживаются и в странах с низким доходом, и в «средних» странах, и в странах с высоким уровнем дохода.

Однако можно утверждать, что интеграция мигрантов средствами образования имеет много мощных позитивных эффектов. Например, сравнительное исследование турецких мигрантов в ряде европейских стран показало, что социальные системы, где осуществляется поддержка мигрантов, ассоциируются с большей экономической мобильностью второго поколения мигрантов. Это означает, что успешная интеграция первого поколения мигрантов в образовательное пространство, скорее всего, приведет через поколение к полной и успешной интеграции в принимающее общество их детей. Вклад в адаптацию сферы образования под потребности детей из семей иноязычных и инокультурных

мигрантов помогает принимающей стране своевременно отвечать на вызовы и эффективнее использовать возможности, которые приносит стране миграция.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ ДЛЯ УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ

Пандемия 2020-2021 годов усугубила трудности интеграции детей мигрантов в образовательный процесс.

29 марта 2021 года Секретариат ЮНЕСКО провел встречу на уровне министров образования «One year into COVID: Prioritizing education recovery to avoid a generational catastrophe» (Год спустя после COVID: восстановление образования во избежание катастрофы поколений). На открытии встречи Генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азуле озвучила ряд цифр, свидетельствующих о значительном отставании обучающихся в получении образования во всем мире, что дает основание характеризовать положение в образовании на данный момент как катастрофическое. Всего последствия пандемии затронули 91% обучающихся в мире (2,6 млрд). Половина учащихся по-прежнему страдает от полного или частичного закрытия школ и университетов. Треть всех учащихся до сих пор не имеет доступ к цифровым ресурсам (UNESCO, 2021).

Всего за первый год пандемии школы закрывались на разное время в 133 странах. В 30 странах они так и не открылись до конца 2020/21 учебного года. В среднем, школы и вузы мира были закрыты в общей сложности 6,5 месяцев, т.е. примерно две трети учебного года. Общее сокращение бюджета, выделяемого на образование в мире, достигло 65%. В 54 странах финансирование образования, по словам заместителя Генерального Директора ЮНЕСКО по вопросам образования Стефании Джанинни, почти «невидимо» (UNESCO, 2021).

Особенно пагубны последствия для начального образования. Закрытие школ привело к тому, что более 100 миллионов детей будут владеть чтением ниже минимального уровня. Значительная часть детей, из них большинство – девочки, уже не вернется в школу. Если сегодня не будут приняты срочные меры, в течение ближайшего времени еще более 24 миллионов детей и молодых людей могут бросить школу.

Пандемия стала причиной распространения голода, большая часть голодающих в мире – женщины, 47 миллионов оказались за чертой бедности. Экономический кризис привел к резкому сокращению финансирования образования в большинстве стран мира. По словам Генерального директора ЮНЕСКО Одре Азуле, «Ковид продолжает испытывать нашу глобальную солидарность» (UNESCO, 2021a, стр. 1). Такое положение дел говорит о том, что выполнение ЦУР, в частности, цели №4, к намеченному сроку становится проблематичным. Уже сейчас очевидно, что к 2050 году не будет достигнута цель полного охвата начальным образованием жителей планеты. Социальные последствия отставания мирового сообщества от намеченных целей в сфере

образования особенно плачевны для тех, кто и до пандемии был на грани отчуждения от качественного образования.

Чтобы мобилизовать и поддержать непрерывность обучения, ЮНЕСКО еще в марте 2020 года учредила широкую Глобальную коалицию по вопросам образования, которая сегодня объединяет 160 членов из числа международных организаций, гражданского общества и частного сектора. Коалиция работает в 112 странах, на регулярной основе происходит мониторинг для уточнения рисков, с которыми сегодня сталкивается образование, выявление стратегий, направленных на то, чтобы «не оставить никого позади». В числе целевой аудитории, которая испытывает последствия рисков, – дети мигрантов и этнических меньшинств.

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Российской Федерации вопросы адаптации и интеграции мигрантов в последнее десятилетие постепенно становились предметом целенаправленной политики государства. Они вошли в качестве разделов в Концепцию государственной миграционной политики РФ до 2025 года, указ Президента России «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2013 года, Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Особенность концептуального подхода к интеграции мигрантов в России состоит в том, что она рассматривается как инструмент противодействия и профилактики межнациональных конфликтов.

Внимание к вопросам интеграции и адаптации мигрантов в данное время связано в том числе с началом активного периода реализации Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 года, утвержденной в 2012 г. (Концепция …, 2012). Положения данной Концепции содержат выводы, согласно которым в ближайшие 15 лет процессы депопуляции и старения населения в отсутствии значительного миграционного прироста значительно усилятся; продолжится быстрое сокращение населения в стратегически значимых регионах Дальнего Востока и Сибири. В тексте Концепции делается вывод о том, что в таких условиях привлечение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится важным источником восполнения потерь численности населения страны.

Документ ориентирует, в связи с этим, на радикальные перемены в политике и практике управления миграционными процессами. Предполагается, что реализация новых подходов должна основываться на требованиях и критериях, «исключающих потенциальные этнокультурные и другие риски». Предусмотрено расширение взаимодействия с международными организациями в сфере миграции и использование их потенциала. В особенности это связано с ожидаемым принятием новых юридических инструментов и программ регулирования миграции, соблюдением стандартов по обеспечению прав мигрантов,

закрепленных конвенциями и международными соглашениями. Особое место отведено системе образования.

Приоритет в Концепции государственной миграционной политики РФ отдается привлечению в нашу страну квалифицированных иностранных работников на долгосрочной основе с продолжительным или постоянным сроком их проживания в стране. Поставлены задачи «использования миграционного потенциала системы образования» как «источника квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан», содействия повышению уровня образования мигрантов и членов их семей, преодоления антииммиграционных настроений в обществе, а также предотвращения ее питательной среды – незаконной миграции. Намечена линия на увеличение контингента обучающихся из числа иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ, на совершенствование образовательными организациями условий их подготовки. Сочтено целесообразным отказаться от законодательных ограничений для занятости во время обучения и после его завершения, поскольку это снижает привлекательность получения образования в России для иностранных студентов. Предусматривается упрощение правил переселения иностранных граждан в Россию и создание условий для семейной иммиграции и обучения детей в школе.

Эта политика уже до пандемии принесла некоторые результаты. В 2019 году количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ достигло 19 518 304 (по сравнению с 17 764 489 в 2018 году). При том что всего разрешений на работу было оформлено меньше, чем годом ранее (126 879 против 130 136), доля высококвалифицированных специалистов седи них выросла (34 299 против 28 183). При общем снижении миграционного притока в 2020-2021 годы, тенденция сохраняется. К концу лета 2021 г. из общего числа фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 9 209 258 (по сравнению с 7 574 656 в 2020 г.), оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства 62 706 (40 491 в 2020 г.), в том числе высококвалифицированным специалистам 34 936 (против 12 595 годом ранее) (МВД РФ, 2021).

В специальном разделе Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года ориентирует на осуществление программных шагов в области культурно-языковой и социальной адаптации и интеграции всех категорий мигрантов, в том числе на необходимость знания ими истории и культурных традиций, соблюдение правовых норм страны пребывания. Одновременно указывается на важность взаимной адаптации и «создания программ по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом». Последнее – наибольшее упущение в содержании законопроекта, о чем неоднократно уже упоминали в своих выступлениях эксперты по вопросам миграционной и национальной политики (Омельченко, 2021).

Впервые за долгие годы проблема обучения детей мигрантов обсуждалась на состоявшемся 30 марта 2021 г. заседании Совета по межнациональным

отношениям при Президенте РФ, с участием профильного министерства и руководства страны. Прозвучали данные о том, что, по оценке Министерства просвещения РФ, в российских школах обучаются 140 тысяч детей мигрантов (Стенограмма заседания…, 2021). Однако система учета детей мигрантов в российских школах и в системе образования в целом не налажена, регулярные данные пока не собираются, принципы такого статистического учета не разработаны, и единого подхода к сбору статистики в разных регионах России пока нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На данный момент в многообразии проблемного поля мирового образовательного дискурса можно выделить два тезиса: «Образование – ресурс для выхода из всеобъемлющего кризиса» и «Школа – территория безопасности». Среди первостепенных задач сегодняшнего дня отмечаются: возвращение в школу и университеты всех обучающихся; финансовая, социальная, методическая поддержка учителей; поддержка социально незащищенных категорий; разработка инструментария, чтобы знать нужды каждого ученика. Ключевыми словами стали: вакцинация, цифровизация, социальная и эмоциональная поддержка (UNESCO, 2021).

По мнению министров образования разных стран мира, на первом месте среди первостепенных задач к середине 2021 года стоит защита прав детей и поддержка наиболее уязвимых категорий, в том числе мигрантов и беженцев. В приоритетном порядке – выработка и согласование стратегических направлений и компетенций различных ведомств, а также установка доверительных отношений государственных структур и гражданского общества в ходе реализации конкретных задач по интеграции мигрантов, предотвращению их социальной эксклюзии, облегчению доступа детей из семей мигрантов к получению качественного образования. Количественных данных об образовании детей из семей мигрантов и беженцев крайне мало, и поэтому государственные и международные структуры должны сотрудничать в целях сбора таких данных, чтобы оказать соответствующую поддержку уязвимым группам населения.

Пандемия со всей очевидностью показала, что образование играет важнейшую роль в социальной интеграции, экономической мобильности и других жизненных позициях. Особенно получение образования помогает языковой и правовой адаптации, освоению обычаев и норм жизни в стране пребывания. Дети из семей мигрантов не должны постоянно учиться отдельно, в отдельных классах или школах. Для их обучения не следует использовать только их родной язык, хотя его использование на первом этапе благоприятно влияет на образовательные результаты.

Мировой опыт свидетельствует, что успешная адаптация и интеграция мигрантов зависит от работы на низовом уровне, где ключевым игроком становятся органы местного самоуправления (Ромодановский, Мукомель, 2015,

стр. 15). Региональные департаменты управления образованием должны поддерживать, через механизм государственных заказов, целевых субсидий и грантов, те образовательные организации, которые уже работают в сфере адаптации и интеграции мигрантов средствами образования и способны играть роль профильных ресурсных центров для других образовательных организаций. Надеемся, что в соответствии с общими тенденциями, для сферы современного российского образования в ближайшее время будут выработан свод методических рекомендаций по регуляции сферы адаптации и интеграции иноэтничных мигрантов средствами образования, которые помогут школе с нормативной, управленческой и финансовой точки зрения сделать эту работу эффективной и отвечающей интересам государственной политики Российской Федерации, в том числе ее национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. (2019). Утверждена Президентом РФ 13.06.2012 г. Получено из http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244

Кривенькая, М.А. (2021). «В душе практически русский, а снаружи – нет»: образы мигрантов в репликах героев современной художественной прозы. *Современное социально-гуманитарное образование: векторы развития в год науки и технологий*. Москва: МПГУ, 653-661.

Ломакина, И.С. (2015). Проблемы мультикультурализма в сфере образования ЕС. *Педагогика, 2*.

МВД РФ (2021). Статистические сведения по миграционной ситуации. Получено из https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya

Омельченко, Е.А. (2021). Дети из таджикских и узбекских семей в Пермском крае: проблемы адаптации в иноэтничной среде. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2*, 93-103.

Ромодановский, К.О., Мукомель, В.И. (2015). Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике. *Общественные науки и современность, 5*, 5-17.

Стенограмма заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 30 марта 2021 года. (2021). Получено из http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html

Dryden-Peterson, S. & Adelman, E. (2016). *UNide Syrian refugee schools: making room for refugees in second shifts. Brookings blog*. 17 February 2016. Retrieved from https://www.brookings.edu/blog/education-plus-development/2016/02/17/inside-syrian-refugee-schools-making-room-for-refugees-in-second-shifts/

Education Commission. (2016). The learning generation: investing in education for a changing world. Retrieved from http://report.educationcommission.org/wp-conten/uploads/2016/09/Learning_Generation_Full_Report.pdf

Fix, M. & McHugh, M. (2009). *Education, diversity, and the second generation: a discussion guide. Migration Policy Institute*. Retrieved from http://www.migrationpolicy.org/research/education-diversity-and-second-generation-discussion-guide

OECD. (2015). Helping immigrant students to succeed at school – and beyond. OECD Publishing, Paris. Retrieved from https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf

UNESCO. (2016a). If you don't understand, how can you learn? Global Education Monitoring Report Policy. Paper 24. Retrieved from http://allinschool.org/wp-content/uploads/2015/04/243713E.pdf

UNESCO (2017). Concept note for the 2019 Global Education Monitoring Report on education and migration. Retrieved from https://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Concept%20Note%205%20April%20Final.pdf

UNESCO. (2021). One year into COVID: Prioritizing education recovery to avoid a generational catastrophe. Retrieved from https://en.unesco.org/news/one-year-covid-prioritizing-education-recovery-avoid-generational-catastrophe

UNESCO. (2021a). One year into COVID: Prioritizing education recovery to avoid a generational catastrophe. (ED/ADG/2021/01). Программные документы и документы совещаний. Retrieved from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376984

UNICEF. (2021). Worldwide, more than 33 million children have been forcibly displaced at the end of 2020. Child Displacement. Доклад Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ). Retrieved from https://data.unicef.org/topic/child-migration-anddisplacement/displacement/

United Nations. (2020). International Migration 2020 Highlights. (ST/ESA/SER.A/452). Retrieved from https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf

Для цитирования: Омельченко, Е.А., Кривенькая, М.А. (2021). Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в контексте национальной безопасности. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 20-33.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-020-032

REFERENCES

Concept of state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025. (2019). Approved by the President of the Russian Federation on June 13, 2012. Retrieved from http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244 (in Russian)

Krivenkaya, M.A. (2021). "I'm practically Russian in my soul, but not on the outside": images of migrants in the remarks of heroes of modern fiction. *Modern social and humanitarian education: vectors of development in the year of science and technology*. Moscow: MPGU, 653-661. (in Russian)

Lomakina, I.S. (2015). Problems of multiculturalism in the EU education sector. *Pedagogy, 2*. (in Russian)

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (2021). Statistical information on the migration situation. Retrieved from https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya (in Russian)

Omelchenko, E.A. (2021). Children from Tajik and Uzbek families in the Perm region: problems of adaptation in a foreign ethnic environment. *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2*, 93-103. (in Russian)

Romodanovsky, K.O. & Mukomel, V.I. (2015). Regulation of migration processes: problems of transition from reactive to systemic policy. Social Sciences and Modernity, 5, 5-17. (in Russian)

Transcript of the meeting of the Council on Interethnic Relations under the President of the Russian Federation on March 30, 2021. (2021). Retrieved from http://prezident.org/tekst/stenog_ramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam -30-03-2021.html (in Russian)

Dryden-Peterson, S. & Adelman, E. (2016). *UNide Syrian refugee schools: making room for refugees in second shifts. Brookings blog*. 17 February 2016. Retrieved from https://www.brookings.edu/blog/education-plus-development/2016/02/17/inside-syrian-refugee-schools-making-room-for-refugees-in-second-shifts/

Education Commission. (2016). The learning generation: investing in education for a changing world. Retrieved from http://report.educationcommission.org/wp-conten/uploads/2016/09/Learning_Generation_Full_Report.pdf

Fix, M. & McHugh, M. (2009). *Education, diversity, and the second generation: a discussion guide. Migration Policy Institute*. Retrieved from http://www.migrationpolicy.org/research/education-diversity-and-second-generation-discussion-guide

OECD. (2015). Helping immigrant students to succeed at school – and beyond. OECD Publishing, Paris. Retrieved from https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf

UNESCO. (2016a). If you don't understand, how can you learn? Global Education Monitoring Report Policy. Paper 24. Retrieved from http://allinschool.org/wp-content/uploads/2015/04/243713E.pdf

UNESCO (2017). Concept note for the 2019 Global Education Monitoring Report on education and migration. Retrieved from https://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Concept%20Note%205%20April%20Final.pdf

UNESCO. (2021). One year into COVID: Prioritizing education recovery to avoid a generational catastrophe. Retrieved from https://en.unesco.org/news/one-year-covid-prioritizing-education-recovery-avoid-generational-catastrophe

UNESCO. (2021a). One year into COVID: Prioritizing education recovery to avoid a generational catastrophe. (ED/ADG/2021/01). Программные документы и документы совещаний. Retrieved from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376984

UNICEF. (2021). Worldwide, more than 33 million children have been forcibly displaced at the end of 2020. Child Displacement. Доклад Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ). Retrieved from https://data.unicef.org/topic/child-migration-anddisplacement/displacement/

United Nations. (2020). International Migration 2020 Highlights. (ST/ESA/SER.A/452). Retrieved from https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf

For citation: Omelchenko, E.A. Krivenkaya M.A. (2021). Integration of Children From Families of Other Ethnicities Migrants in the Context of National Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 20-33.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-020-032

DEVELOPMENT TRENDS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CASPIAN MACRO-REGION IN THE CONTEXT OF CURRENT GEOPOLITICAL CHALLENGES

Oleg V. Stoletov

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the main development trends of international cooperation in the Caspian macro-region at the present stage. The most significant aspects of cooperation among the "Caspian Five" states (Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran), embodied in trans-regional transport, logistics and energy projects, including those integrated into the Chinese initiative "One Belt, One Road" and the "North-South" international transport corridor, promoted by India, are analyzed. The paper describes the main interests of the "Caspian Five" states involved in the implementation of these projects. The author identifies current geopolitical challenges affecting international cooperation in the macro-region. Particular attention is paid to the analysis of the geopolitical influence of Turkey and the United States on international political processes in the Caspian macro-region. The study shows how the Caspian states address the main geopolitical challenges that are important both for the security of the Caspian macro-region and the security of the Eurasian space as a whole. This study has revealed that the Caspian states seek to protect their political and economic interests through more active involvement in trans-regional transport, logistics and energy projects, including through the establishment of relations with key cross-border transit states.

KEYWORDS

Caspian macro-region; international cooperation; transport; logistics and energy projects; current geopolitical challenges; Russia; Azerbaijan; Kazakhstan; Turkmenistan; Iran; Turkey.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КАСПИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Столетов Олег Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва
E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции развития международного сотрудничества в Каспийском макрорегионе на современном этапе. Анализируются наиболее значимые аспекты сотрудничества государств «Каспийской пятерки» (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран), находящие воплощение в трансрегиональных транспортно-логистических и энергетических проектах, в том числе интегрированных в китайскую инициативу «Один пояс – один путь» и международный транспортный коридор «Север – Юг», продвигаемый Индией. В работе дается характеристика основным интересам государств «Каспийской пятерки», участвующих в реализации этих проектов. Автором выявляются актуальные геополитические вызовы, влияющие на международное сотрудничество в этом макрорегионе. Особое внимание уделяется анализу геополитического влияния Турции и США на международно-политические процессы в Каспийском макрорегионе. В исследовании показано, каким образом прикаспийские государства реагируют на основные геополитические вызовы, имеющие значение как для безопасности Каспийского макрорегиона, так и безопасности евразийского пространства в целом. Проведенное исследование позволило установить, что прикаспийские государства стремятся обеспечить защиту своих политических и экономических интересов посредством более активного вовлечения в трансрегиональные транспортно-логистические и энергетические проекты, в том числе за счет налаживания отношений с ключевыми приграничными транзитными государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каспийский макрорегион; международное сотрудничество; транспортно-логистические и энергетические проекты; актуальные геополитические вызовы; Россия; Азербайджан; Казахстан; Туркменистан; Иран; Турция.

ВВЕДЕНИЕ

Каспийский макрорегион, являясь связующим пространством между государствами Центральной Азии, Южного Кавказа, Россией, Турцией, странами Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ), исторически характеризуется повышенной геополитической нестабильностью (Жильцов, 2020). Специфика географического положения Каспийского макрорегиона способствует формированию условий, при которых прикаспийские государства, воспринимая друг друга в качестве геоэкономических конкурентов в сфере предложения оптимальных транспортно-логистических и энергетических маршрутов на международном рынке, одновременно осознают заданную географией потребность в развитии сотрудничества между собой.

В данном исследовании представляется актуальным проанализировать ключевые тенденции в развитии транспортно-логистических и энергетических проектов государств Каспийского макрорегиона, имеющих значение для всего евразийского пространства, в контексте современных геополитических вызовов (Ханна, 2019).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ключевым направлением международного сотрудничества в Каспийском макрорегионе на современном этапе становится развитие транспортно-логистической инфраструктуры. Наибольшую заинтересованность в развитии сотрудничества в этой сфере проявляют Азербайджан и Казахстан (Рожков, 2018). Обе страны стремятся повысить эффективность использования своего географического положения в целях укрепления международного транзитного статуса, о чем говорят стратегические документы двух государств – Стратегическая дорожная карта по развитию логистики и торговли в Азербайджанской Республике и казахстанская Государственная программа инфраструктурного развития «Нырлы Жол» («Путь в будущее»).

Реализуя многовекторную внешнюю политику, Азербайджан и Казахстан стремятся одновременно принимать участие как в китайской инициативе «Один пояс – один путь», так и в международном транспортном коридоре (далее – МТК) «Север – Юг», продвигаемом Индией. Применительно к реализации МТК «Север – Юг» Азербайджан и Казахстан в б*о*льшей степени выступают партнерами Индии, Ирана и России, в то время как в рамках участия в инициативе «Один пояс – один путь» – партнерами Китая и Турции.

Азербайджан активно развивает связи с Казахстаном, который, будучи пространственно-логистически связан с Китаем, обладает незамерзающим каспийским портом Актау. Одновременно Азербайджан заинтересован в транскаспийском транспортно-логистическом сотрудничестве с Туркменистаном и Ираном. Туркмения в 2018 году открыла Тукменбашинский международный морской порт и в настоящее время занимается его развитием. Иран на протяжении

последних лет предпринимает усилия, направленные на развитие автомобильной и железнодорожной связанности с Азербайджаном (Tashjian, 2021).

Казахстан, который интегрирован в широкую сеть международных организаций на евразийском пространстве, наряду с интенсификацией транскаспийского сотрудничества, стремится также развивать альтернативные маршруты поставок в обход Каспийского моря. Так, в результате сотрудничества Казахстана с Туркменистаном и Ираном в 2014 году была открыта международная железная дорога Казахстан – Туркменистан – Иран, к которой в 2019 году присоединился Узбекистан.

Россия, будучи заинтересована в сохранении и укреплении собственного трансъевразийского транзитного потенциала, стремится участвовать в развитии МТК «Север – Юг», а также северного маршрута инициативы «Один пояс – один путь». В этих целях в 2014 году в Астраханской области была учреждена особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Лотос». В 2020 году было подписано Постановление Правительства Российской Федерации «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера». Россия, выступая за более тесное сотрудничество в рамках «Каспийской пятерки», поддержала подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году (Притчин, 2018). Российская Федерация продвигает инициативу создания странами «Каспийской пятерки» Организации каспийского экономического сотрудничества. Она также поддержала учреждение странами «Каспийской пятерки» регулярного Каспийского экономического форума. Первый форум был проведен в 2019 году. Кроме того, Россия стремится использовать торгово-экономический потенциал ЕАЭС в качестве стимула для развития сотрудничества прикаспийских государств в области реализации логистических проектов.

Относительно новым трендом развития международного сотрудничества в транспортно-логистической сфере в Каспийском макрорегионе является сотрудничество Турции с Азербайджаном и другими тюркскими государствами. В 2017 году было завершено строительство железной дороги Баку – Тбилиси – Карс, связавшей Турцию с Каспийским морем. После завершения вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 года Турция заявила о намерении построить железную дорогу в сторону Нахичевани. Создание транспортного коридора Турция – Нахичевань – юг Армении – Азербайджан может способствовать развитию транзитного логистического сообщения в Закавказье. Однако реализация этой инициативы затруднена в силу сохраняющихся острых политических противоречий между Арменией и Азербайджаном, а также опасений Ирана потерять прямой доступ к границе с Арменией.

На фоне укрепления отношений тюркских государств Каспийского макрорегиона с Турцией развиваются их связи и со странами ЦВЕ, входящими в «Инициативу трех морей». В частности, в мае 2020 года состоялись туркмено-румынские консультации по вопросам партнерства в транспортно-коммуникационном секторе, в том числе подготовки проекта

межправительственного Соглашения о создании и реализации международного транзитно-транспортного коридора Каспийское море – Черное море, проходящего по маршруту Туркменистан – Азербайджан – Грузия – Румыния.

В условиях обострения международных противоречий в энергетической сфере возрастает значимость развития межгосударственного сотрудничества в этой области. Реализация проектов международных газопроводов TANAP и TAP должна способствовать укреплению энергетических связей между Азербайджаном, Турцией и государствами Европы. Туркменистан, который длительное время дистанцировался от реализации транскаспийских энергетических проектов, в январе 2021 года подписал с Азербайджаном Меморандум о взаимопонимании по совместной разведке, разработке и освоению месторождения «Достлуг» («Дружба»). Ранее, в 2017 году, туркменский государственный концерн «Туркменнефть» подписал с узбекской компанией «Узбекнефтегаз» Меморандум о взаимопонимании по совместной разработке месторождений на шельфе Каспийского моря. В 2019 году Россия, Азербайджан и Иран, стремясь активизировать сотрудничество в энергетической сфере, заключили соглашение о совместной разработке технико-экономического обоснования проекта создания энергетического коридора «Север – Юг» между своими энергосистемами. Ожидается, что формирование энергетического коридора «Север – Юг» позволит осуществлять поставку электроэнергии из России в Иран через территорию Азербайджана. Иран, который длительное время не занимался добычей энергоресурсов в Каспийском море, недавно объявил о планах разработки нового крупного месторождения природного газа «Чалус» («Chalous»), открытого в августе 2021 года и расположенного в иранском секторе Каспийского моря (Сергеев, 2021).

Геополитическим вызовом для развития международного сотрудничества в Каспийском макрорегионе является стратегическое усиление Турции (Чихарев, 2021). Турецкая Республика, не ограничиваясь превращением в ключевой трансрегиональный энергетический хаб и достижением статуса «логистической сверхдержавы» Каспийско-Черноморского и Черноморско-Средиземноморского регионов, усиливает и свое военное присутствие в этих регионах. В июне 2021 года Турция и Азербайджан подписали «Шушинскую декларацию о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой». В июле 2021 года на территории Грузии прошли очередные военные учения «Agile Spirit 2021» с участием двенадцати стран – членов НАТО, в том числе Турции, а также Азербайджана и Украины. В сентябре 2021 года Турция и Азербайджан провели очередные двусторонние учения, в рамках которых на Каспийском море прошли учебно-тренировочные занятия групп подводного нападения и обороны.

Поддерживая реализацию проекта «Южный газовый коридор» и способствуя формированию «Большого Каспийского региона», включающего в себя, помимо «Каспийской пятерки», и ряд других стран, в том числе Армению, Турцию, Узбекистан, США содействуют вовлечению Каспийского макрорегиона в черноморскую международно-политическую повестку, находящуюся под влиянием

конфликтных отношений между Россией и Украиной, Россией и ЕС. В данном случае речь идет о поддержке США «Инициативы трех морей», «Крымской платформы», а также создании Соединенными Штатами условий для развития военно-политического сотрудничества между Польшей, Турцией, Румынией, Грузией, Молдавией и Украиной, а также вовлечения в это сотрудничество Азербайджана (Сивопляс, 2021), являющегося ключевым связующим звеном между бассейном Каспийского моря и Центральной Азией (Бжезинский, 2003). Вместе с тем США стратегически заинтересованы в том, чтобы не допустить формирования устойчивой транспортно-логистической связанности между Россией и Ираном в рамках МТК «Север – Юг».

Еще одним значимым геополитическим вызовом для безопасности Каспийского макрорегиона является деструктивное влияние нестабильных и конфликтогенных приграничных пространств – Ближнего Востока, прежде всего Ирака и Леванта, а также Афганистана. Международно-политическая динамика последних лет позволяет говорить о том, что ведущие международные акторы каспийской региональной политики (Россия, Иран, Турция), будучи не заинтересованы в «балканизации» Каспийского макрорегиона, особенно в кризисных ситуациях, демонстрируют готовность учитывать взаимные интересы в целях недопущения разрастания «евразийской дуги нестабильности» (Евстафьев, 2019).

Тем не менее, Каспийский макрорегион остается геополитически фрагментирован. Стратегические приоритеты России и Турции в этом макрорегионе серьезно различаются. Россия укрепляет свои экономические связи с прикаспийскими государствами, а также содействует обеспечению региональной стабильности, развивая военно-политическое сотрудничество со странами «Каспийской пятерки». Турция стремится расширить собственное экономическое и военно-политическое влияние в Каспийском макрорегионе, в том числе через Тюркский совет. Азербайджан стратегически все больше ориентируется на военно-политическое сближение с Турцией. Иран демонстрирует обеспокоенность интенсификацией турецко-азербайджанского военного сотрудничества в Каспийском море. Следствием этого может стать нарастание военно-политической напряженности на азербайджано-иранской границе. Прикаспийские страны Центральной Азии (Казахстан, Туркмения), стремясь обеспечить многовекторность своей внешней политики, осуществляют балансирование между Россией, Турцией, Ираном, а также внерегиональными акторами.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает, что развитие международного сотрудничества в Каспийском макрорегионе находит воплощение в трансрегиональных транспортно-логистических и энергетических проектах. Активную заинтересованность в реализации трансрегиональных проектов в Каспийском макрорегионе проявляют прикаспийские «государства среднего

уровня», прежде всего Азербайджан и Казахстан. Стремясь укрепить свои геоэкономические позиции, эти государства содействуют развитию международного сотрудничества в рамках «Каспийской пятерки», а также с ключевыми государствами-участниками инициативы «Один пояс – один путь» и МТК «Север – Юг» – Китаем, Индией и Турцией, стратегически заинтересованными в реализации транскаспийских проектов. Россия, пытаясь поддерживать баланс в инфраструктурной ориентации прикаспийских государств на Китай и Индию, стремится к развитию сотрудничества с государствами Каспийского макрорегиона в различных форматах – двустороннем, трехстороннем, многостороннем.

Обеспечение устойчивости региональной безопасности Каспийского макрорегиона, позволяющей реализовывать многосторонние экономические проекты в сфере логистики и энергетики, предполагает нахождение баланса между объективной заинтересованностью прикаспийских государств в развитии экономических связей с Турцией и странами ЦВЕ и обязательствами этих стран в рамках НАТО и ЕС.

Возможности адаптации государств Каспийского макрорегиона к обозначенным выше геополитическим вызовам в значительной степени будут определяться способностью каждого из этих государств сохранять сбалансированные отношения как с Китаем, так и с Индией при одновременном укреплении взаимного многостороннего сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжезинский, З. (2003). *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Международные отношения. 256 с.

Евстафьев, Д.Г. (2019). Евразийская «дуга нестабильности», или Управление глобальным экономическим ростом. *Экономические стратегии, 7*, 46-56.

Жильцов, С.С. (2020). *Каспийская стратегия России: Научное издание.* Москва: Издательство «Аспект Пресс». 304 с.

Притчин, С. (2018). Конституция Каспия. О чем договорились пять каспийских стран в Актау. *Московский Центр Карнеги.* Получено из https://carnegie.ru/commentary/77043

Рожков, И.С. (2018). Транзитно-транспортная синергия в Каспийском регионе в контексте формирования международно-правового статуса Каспийского моря: исторический шанс или вызов современности? *Мировая политика*, *1*, 58-76.

Сергеев, М. (2021). Новое иранское месторождение на Каспии изменит энергополитику. *Независимая газета*. Получено из https://www.ng.ru/economics/2021-08-22/4_8231_economics.html

Сивопляс, Р. (2021). Новый взгляд на концепцию Триморья. *Geopolitical Think.* Получено из https://geopoliticalthink.com/публикации/f/новый-взгляд-на-концепцию-триморья

Ханна, П. (2019). *Коннектография. Будущее глобальной цивилизации*. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 432 с.

Чихарев, И.А. (2021). Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований. *Полис. Политические исследования, 3*, 129-146.

Tashjian, Y. (2021). Armenia and India's Vision of "North-South Corridor": A Strategy or a "Pipe Dream"? *The Armenian Weekly*. Retrieved from https://armenianweekly.com/2021/03/24/armenia-and-indias-vision-of-north-south-corridor-a-strategy-or-a-pipe-dream/

Для цитирования: Столетов, О.В. (2021). Тенденции развития международного сотрудничества в каспийском макрорегионе в условиях актуальных геополитических вызовов. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 34-42.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-033-040

REFERENCES

Brzezinski, Z. (2003). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: International relationship, 256 p. (in Russian)

Evstafev, D.G. (2019). Arch of instability in Eurasia, or global economic growth control. *Ekonomicheskie strategii*, *7*, 46-56. (in Russian)

Zhiltsov, S.S. (2020). *Caspian Strategy of Russia: Scientific Publication*. Moscow: Aspect Press Ltd, 304 p. (in Russian)

Pritchin, S. (2018). The Constitution of the Caspian Sea. What did the five Caspian countries agree on in Aktau. *Carnegie Moscow Center*. Retrieved from https://carnegie.ru/commentary/77043 (in Russian)

Rozhkov, I.S. (2018). Transit-and-Transport Synergy in the Caspian Region in the Context of Establishment of the International Legal Status of the Caspian Sea: a Historic Chance or a Modern Challenge? *World Politics*, *1*, 58-76. (in Russian)

Sergeev, M. (2021). The new Iranian field on the Caspian Sea will change power policy. *Nezavisimaya Gazeta*. Retrieved from https://www.ng.ru/economics/2021-08-22/4_8231_economics.html (in Russian)

Sivoplias, R. (2021). A fresh angle on the concept of Trimarium. *Geopolitical Think*. Retrieved from https://geopoliticalthink.com/публикации/f/новый-взгляд-на-концепцию-триморья (in Russian)

Khanna, P. (2019). *Connectography. Mapping the Future of Global Civilization*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 432 p. (in Russian)

Chikharev, I.A. (2021). The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies*, *3*, 129-146. (in Russian)

Tashjian, Y. (2021). Armenia and India's Vision of "North-South Corridor": A Strategy or a "Pipe Dream"? *The Armenian Weekly*. Retrieved from https://armenianweekly.com/2021/03/24/armenia-and-indias-vision-of-north-south-corridor-a-strategy-or-a-pipe-dream/

For citation: Stoletov, O.V. (2021). Development Trends of International Cooperation In the Caspian Macro-Region in the Context of Current Geopolitical Challenges. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 34-42.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-033-040

PECULIARITIES OF THE SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF THE "NEW BIG GAME" IN THE CASPIAN REGION IN THE CONTEXT OF GAME THEORY

Irina V. Kucheruk

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: mark_9191@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1323-1233

ABSTRACT

The Caspian region with its transboundary specificity in the current situation is the center of attraction of various states and forces that are interested in the hydrocarbon reserves of the territory, the possibilities of its geopolitical position and political influence on the Caspian states – the former republics of the Soviet Union for the implementation of their own foreign policy objectives. Under these circumstances, the Russian Federation faces the problem of choosing the dominant strategy of action in the region, which will contribute to the activation of relations between Russia and the Caspian countries in various spheres, including cultural and humanitarian cooperation. Cultural diplomacy can and should become such a strategy in the"New Big Game" for the Caspian Sea. Its effective component is to support compatriots, offer educational programs in Russian universities and other educational organizations and promote the Russian language and literature, which in the future will allow us to achieve better results in the spread of Russian "soft power" in the " Caspian Four" countries, provided that this resource of foreign policy is conceptualized and active, not discrete practical steps. To determine the optimal strategy for the implementation of "soft power" in the Caspian region, game theory and the so-called "Prisoner's Dilemma" can be applied, which has been used for a long time in assessing and predicting the effectiveness of international cooperation.

KEYWORDS

the Caspian region; "soft power"; cultural diplomacy; "The New Big Game"; game theory; actors; support for compatriots; offering educational programs; promoting the Russian language and literature; "Prisoner's dilemma"; optimal strategy.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ «НОВОЙ БОЛЬШОЙ ИГРЫ» В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИГР

Кучерук Ирина Владимировна

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: mark_9191@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1323-1233

АННОТАЦИЯ

Каспийский регион с его трансграничной спецификой в современной ситуации является центром притяжения различных государств и сил, которых интересуют углеводородные запасы территории, возможности ее геополитического положения и политического воздействия на Каспийские государства – бывшие республики Советского Союза для реализации собственных внешнеполитических задач. В этих условиях перед Российской Федерацией встает проблема выбора доминирующей стратегии действий в регионе, которая будет способствовать активизации отношений между Россией и Каспийскими странами в различных сферах, включая культурно-гуманитарное сотрудничество. Такой стратегий в «Новой Большой игре» за Каспий может и должна стать культурная дипломатия. Ее действенной составляющей являются поддержка соотечественников, предложение образовательных программ в российских вузах и иных образовательных организациях, продвижение русского языка и литературы, что в перспективе позволит добиться лучших результатов в распространении российской «мягкой силы» в странах «Каспийской четверки» при условии концептуализации этого ресурса внешней политики и активных, не дискретных практических шагов. Для определения оптимальной стратегии реализации «мягкой силы» в Каспийском регионе может быть применена теория игр и так называемая «Дилемма заключенного», которая длительное время применяется при оценке и прогнозировании результативности международного сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каспийский регион; «мягкая сила»; культурная дипломатия; «Новая Большая игра»; теория игр; акторы; поддержка соотечественников; предложение образовательных программ; продвижение русского языка и литературы; «Дилемма заключенного»; оптимальная стратегия.

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза и сопутствующих ему процессов значение Каспийского региона многократно возросло в связи с его выгодным геополитическим положением и открытием новых месторождений углеводородных ресурсов. Большинство современных экспертов полагают, что именно здесь формируются контуры современного миропорядка, поскольку здесь находится «узел» проблем глобального и регионального уровня и в этом регионе сходятся интересы различных, в том числе и удаленных от этого региона мира, государств, цивилизаций и народов.

Для России Каспийский регион является исторически значимой территорией. Несмотря на то, что сегодня в Каспийском регионе наблюдается активизация «внешних сил», очевидно, что Россия является ключевым игроком «новой Большой игры». Это обусловлено, прежде всего, историко-культурными взаимосвязями государств региона. Российская империя, а затем и Советский Союз, правопреемницей которого стала Россия, всегда имели влияние в регионе, что заложило фундамент для особого положения современной России на Каспии.

В этой связи сегодня перед Российской Федерацией встает вопрос выбора доминирующей стратегии действий в регионе, которая будет способствовать активизации отношений между Россией и Каспийскими странами в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества. Такой стратегий в «Новой Большой игре» за Каспий может и должна стать культурная дипломатия. Авторские права в отношении концепта «Новой Большой игры» («New Great Game») приписывают политологу А.Рашиду, который ввел его в оборот в одной из своих статей во время работы в «Far Eastern Economic Review». Концепт «Новой Большой игры» приобрел популярность и в России, в частности благодаря серии передач «Большая игра» журналиста и публициста М. Леонтьева.

Именно культура, и в частности – культурная дипломатия как один из важнейших ресурсов soft power, в современном мире выступает в качестве важнейшей стратегии государств при выборе инструментов реализации сформированного курса внешней политики.

Суть культурной дипломатии заключается в обмене между странами идеями, информацией, знаниями в сфере культуры с целью налаживания взаимопонимания между народами, населяющими эти страны (Waller, 2009) Основной задачей культурной дипломатии является оказание поддержки населению иностранного государства в понимании национальных приоритетов и целей, институционального устройства страны-партнера с тем, чтобы сформировать за рубежом лояльную по отношению к стране-партнеру группу лиц и, тем самым, способствовать интенсификации дальнейшего развития экономических и политических связей между странами (Maack, 2001). Являясь компонентом общественной дипломатии, культурная дипломатия позволяет усиливать влияние страны-партнера среди зарубежной аудитории через популяризацию своих культурных ценностей, в том числе, через публикацию материалов о своей стране в иностранных СМИ,

организацию художественных и литературных салонов, показы фильмов, направленных на формирование положительного имиджа страны-партнера, а также распространение комплиментарной информации в сети Интернет (Lord ,2006).

В конечном счете цель культурной дипломатии - влиять на внешнюю аудиторию и использовать это влияние как своего рода goodwill, т.е. нематериальные активы государства-актора международных отношений: положительный имидж страны за рубежом, наличие в целевой стране лояльно настроенных по отношению к стране-партнеру групп и т.д. для поддержки политики своей страны за рубежом.

С точки зрения политической географии, Каспийский регион включает пять прибрежных государств: Азербайджанскую Республику, Исламскую Республику Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. Однако в геополитическом значении понятие «Каспийский регион» едва ли может ограничиваться только этими государствами. В этой связи существует множество новых точек зрения относительно содержательной части термина «Каспийский регион» (Агеева, 2016, с. 168). В настоящей статье под «Каспийским регионом» и его акторами мы будем понимать государства «ближнего круга», что, безусловно, с одной стороны упрощает понимание ситуации, с другой – позволяет более конкретно представить модель взаимодействия заинтересованных и связанных единым культурно-историческим прошлым длительного и тесного взаимодействия государств. При этом, рассматривая Каспийский регион как объект историко-культурного анализа, отметим, что б*о*льшую часть XX в., вплоть до начала 1990-х гг. четыре игрока – Россия, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан входили в состав единого советского «организма» и взаимодействие в области культуры осуществлялось в рамках общей, но с существенными национальными поправками, государственной политики СССР.

С Ираном остальных акторов связывает исторический «шлейф» неоднозначных и скачкообразных отношений, самым сложным из которых стал период Второй мировой войны. В начале войны руководство Ирана в лице шаха (Реза-Шах, Реза Пехлеви (15.03.1878 — 26.07.1944) - тридцать четвертый шах Ирана с 1925 по 1941 гг., представитель династии Пехлеви) взяло курс на сближение с фашистской Германией. Однако в результате ввода в Иран сил английской и советской армии 29 января 1942 г. был заключен Союзный договор между СССР, Великобританией и Ираном, а 1 декабря 1943 г. – Декларация трех держав об Иране, подтвердившая суверенитет Ирана в послевоенном мироустройстве. В этих условиях Советский Союз, формируя лояльное отношение иранцев к пребыванию на их территории своего воинского контингента, применял арсенал самых разнообразных средств – от выпуска листовок, газет «Новости дня», «Друг Ирана», оформления фото-витрин с новостями с театра военных действия, окон ТАСС и витрин с издававшимися советскими войсками газетами до показа армейскими передвижными установками советских кинолент и устной агитации с использованием громковещающей аппаратуры. С 1944 года в Тебризе, Казвине, Хойе, Мешхеде и Семнане были оборудованы радиоузлы, которые сначала

использовались для трансляции передач Московской, Бакинской и Ашхабадской радиостанций на русском, персидском, азербайджанском и туркменском языках. Позже, наряду с трансляцией передач этих радиостанций стали регулярно проводиться плановые местные радиопередачи. Также было организовано советское радиовещание на персидском языке через Тегеранскую радиостанцию.

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В начале XXI века культурная дипломатия России с государствами Каспийского региона осуществляется на основе двух- и многостороннихсоглашений и формы этого взаимодействия отличаются многовекторностью. Так, взаимоотношения России и Республики Азербайджан в области культурного и научного сотрудничества осуществляются на основании ряда межправительственных соглашений. Ключевым событием в области культурно-гуманитарного сотрудничества между странами является Бакинский международный гуманитарный форум, проводимый под патронатом президентов России и Азербайджана с целью обсуждения значимых для обеих стран гуманитарных проблем современности. В 2014 г. в Баку прошли мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Организуется значительное количество мероприятий в области культуры с участием российских артистов: драматические, оперные и балетные спектакли, эстрадные концерты, выступления московских цирковых трупп. В Азербайджане с определенной периодичностью успешно гастролируют Калмыцкий государственный драматический театр им. Б.Басангова, Московский художественный театр им. А.П.Чехова, Симфонический оркестр Санкт-Петербурга, Астраханский государственного театра оперы и балета, проводятся концерты стипендиатов фонда «Новые имена» им. И.Н.Вороновой и Дербентского азербайджанского государственного театра Республики Дагестан. Важным аспектом гуманитарного сотрудничества между странами является сохранение духовных связей между двумя народами и укрепление межкультурного диалога. Эта работа ведется в том числе и Бакинско-Азербайджанской епархией Русской православной церкви, при которой действует Православный религиозно-культурный центр. С 2008 г. при участии ведущих преподавателей МГУ действует Бакинский филиал Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. С 2008 г. при участии ведущих профессоров и преподавателей МГУ действует Бакинский филиал Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Визуальным отражением этого нового витка взаимных отношений Российской Федерации и Республики Азербайджан в гуманитарной сфере является изображения на перилах пешеходного моста, ведущего из сквера им.Г.Алиева к Волжской набережной с памятником императору Петру I, значимых для Баку и Астрахани архитектурных сооружений - Девичьей башни и Астраханского Кремля.

В Республике Казахстан действует Российский Центр науки и культуры в г. Астане, который организует мероприятий, посвященные юбилейным датам деятелей российской культуры. Например, были проведены мероприятия, посвященные юбилеям Л.Н.Толстого (190 лет со дня рождения) и И.С.Тургенева (200 лет), а также 95-летию со дня рождения дагестанского поэта Р.Гамзатова. Учащиеся казахстанских школ принимают участие в традиционной национальной олимпиаде «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово», целью которой является отбор талантливых школьников, которые хотят получить высшее образование в области русистики. Широко отмечается в рамках празднований Дня славянской письменности и культуры единый День русского языка – в учебных заведениях, библиотеках, музеях и концертных залах проходят соответствующие культурно-исторические мероприятия.

В Республике Туркменистан продолжает свою деятельность Русский драматический театр имени А.С. Пушкина. В Ашхабаде действует совместная туркмено-российская средняя общеобразовательная школа им. А.С. Пушкина, которая является центром русской культуры. Ежегодно в школе проводятся Дни русской словесности, литературно-музыкальные вечера, при школе создан свой драматический театр. 9 мая во всех велаятах страны проводятся торжественные мероприятия, посвященные Победе в Великой Отечественной войне. Важным и специфическим направлением сотрудничества в гуманитарной сфере являются совместные туркмено-российские археологические экспедиции на территории Туркменистана (Солодкова, 2017, с.170-175).

Культурный диалог России и Исламской республики Иран в значительной степени активизировался после Исламской революции 1979 года, и во втором десятилетии XXI века можно назвать такие значимые события, как участие делегаций обеих стран в международных книжных ярмарках (2016), выступление российских и иранских ученых на научном форуме, посвященном 515-летию установления дипломатических отношений между двумя странами (2017 г., Тегеран), проведение XIII Региональной Универсиады по персидскому языку и литературе (РФ и страны СНГ), гастроли кукольного театра из России в Иране, открытие Центра «Русский мир» в Тегеранском университете и многое другое (Каменева, 2017, 242-251).

Основными направлениями, по которым Россия осуществляет сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере с другими государствами Каспия, являются: поддержка соотечественников, предложение образовательных программ в российских вузах и иных образовательных организациях, продвижение русского языка и литературы, в перспективе, по нашему мнению, эта диверсификация усилий позволит добиться лучших результатов в распространении российской «мягкой силы» в странах «Каспийской четверки» при условии концептуализации этого ресурса внешней политики и активных, не дискретных практических шагов.

ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ АКТОРОВ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИГР

Теория игр представляет способ поиска оптимальной стратегии в условия конфликта, где под конфликтом понимается несовпадение интересов игроков (акторов). Зародившись как теоретико-методологическое направление, теория игр активно используется ныне в различных сферах, в том числе и в политологии. В этом случае под игрой, по сути, понимается процесс отстаивания государственных интересов на международной арене. Соответственно, правила игры в контексте теории игр – это профиль (набор) стратегий, из которых игрок должен выбрать оптимальную стратегию (решение), исходя из собственных целей и ресурсов. Наилучшей является ситуация, в которой игроку частично известны цели и возможности другого игрока или игроков, что предоставляет возможность координации собственных действий и участвовать к кооперативной игре. В политической сфере правила игры в самом широком понимании зафиксированы в содержании договоров, соглашений, кодексах международного права. К неформализованной составляющей игры как части международных процессов следует отнести доверие сторон, при наличии которого с высокой долей вероятности можно получить высокие результаты сотрудничества.

В ситуации взаимодействия акторов в условиях неопределенности и политической турбулентности для просчета оптимальной стратегии в условии частично не совпадающих интересов может применяться «Дилемма заключенного» как некооперативная матричная игра, в которой у каждого игрока есть две стратегии, например, «сотрудничать» и «не сотрудничать».

Выбор странами культурной дипломатии является фокальной точкой, объединяющей позиции глав стран Каспийского региона. Выбор стратегии «сотрудничать» позволяет игроку аккумулировать финансовые средства, направляемые в целевую страну для реализации собственной политики в области культуры; рационально использовать организационные ресурсы; избежать дублирования проектов, которые уже реализуются либо планируются к реализации в целевой стране другой страной-актором «Новой Большой игры». Помимо этого, выбор и реализация настоящей стратегии позволяет повысить транспарентность при организации и проведении различных мероприятий в русле избранной культурной дипломатии.

Кроме того, целевая страна при выборе стратегии «сотрудничать» также выигрывает, поскольку единая организованная стратегия партнерства со страной более эффективна и результативна и позволяет получить максимальную отдачу от реализации программ и проектов в области культурно-гуманитарного сотрудничества со странами региона. Исходя из вышеизложенного, модель сотрудничества является оптимальной в «Новой Большой игре» в части гуманитарного сотрудничества (Петросян, Зенкевич, Шевкопляс, 2012; Щепаньский, 2019, с. 66-72).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия Каспийский регион приобретает особое стратегическое значение, являясь аттрактором интересов и зоной особой «геополитической коммуникации» (Ш.Волнер). В этих условиях каждый игрок озабочен поиском собственной оптимальной стратегии, обеспечивающей максимальный средний выигрыш. Поскольку каждый актор имеет свои собственные цели в этой «Большой игре», то налицо конфликт интересов и соответственно, для поиска оптимальной стратегии может быть применена одна из самых популярных моделей теории игр – «Дилемма заключенного». Ее решение предполагает достижение соглашения игроков, обязывающее стороны к сотрудничеству, когда каждый из вовлеченных участников может воздействовать на распределение платежей (выгод и потерь), но при этом его собственных действий недостаточно для получения эффективного результата.

Таким образом, современным акторам «Новой большой игры» в дальнейшем целесообразно продолжить сотрудничать друг с другом, поскольку это партнерство позволит достичь синергии усилий и будет способствовать увеличению общего благосостояния населения как в странах-игроках, так и в целевых странах. Однако России необходима концептуализация российской модели «мягкой силы» с учетом специфики территории и исторического «шлейфа» межкультурного взаимодействия. И, безусловно, как полагают эксперты, успех российской «мягкой силы» в Каспийском регионе и в целом, в будущем будет зависеть от привлекательности социально-экономической модели, реализуемой Россией в своей внешней и внутренней политике (Трокаль, 2018, с. 260-268).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева, В.Д. (2016). *Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации (диссертация кандидата политических наук).* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 168 с.

Анистратов, В. (2017). «Теория Игр» в политических исследованиях. *Весна Науки. Материалы межвузовской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 10-19.

Бородина, М.Ю., Гасанов, О.С. (2020). Гуманитарные аспекты сотрудничества России и Азербайджана В XXI веке. *Via In tempore. История. Политология, 47*(2), 427-436.

Дарабади, П. (2011). Каспийский регион в международно-геополитической системе начала XXI. *Россия и мусульманский мир, 10*, 38-53.

Дегтерев, Д.А., Дегтерев, А.Х. (2011). Теория игр и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения, 2*, 79-89.

Каменева, М.С. (2017). Взаимоотношения Ирана с сопредельными странами: культурный аспект. *Труды Института востоковедения РАН*, *5*, 242-251.

Липоватая, М.С. (2017). Современные методы политического прогнозирования. *Успехи современной науки*, *5*(4), 221-229.

Литвишко, О.М. (2007). Группа интересов в «Большой игре» вокруг Каспия. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, *5*(141), 28-31.

Мамедова, Я.Я.К. (2021). К истории азербайджано-российских культурных связей в постсоветский период. *Современная научная мысль*, *3*, 101-111.

Петросян, Л.А., Зенкевич, Н.А., Шевкопляс, Е.В. (2012). *Теория игр*. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург.

Солодкова, Т.М., Ларионов, Н.А. (2017). Россия и Туркменистан: диалог культур. *Взаимопроникновение национальных культур в контексте музыкального искусства. Материалы научно-практической конференции в рамках III Международного фестиваля «Звуки дутара» имени Нуры Халмамедова*. Воронеж: Ритм, 170-175.

Трокаль, Т.В. (2018). Политика США и России в Каспийском регионе. *Постсоветские исследования*, *1*(3), 260-268.

Черницына, С.Ю. (2017). Роль внерегиональных государств на Каспии. *Международный научно-исследовательский журнал*, *8-1*(62), 119-122.

Щепаньский, М. (2019). Дилемма заключенного. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*, *9*(1), 66-72.

Lord, C. (2006). *Losing Hearts and Minds?: Public Diplomacy and Strategic Influence in the Age of Terror*. London: Bloomsbury Academic, 139 p.

Maack, M.N. (2001). Books and Libraries as Instruments of Cultural Diplomacy in Francophone Africa during the Cold War. *Libraries & Culture*. *1*.

Waller, M.J. (2009). Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy. *Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare*. Institute of World Politics Press, 74-99.

Schneider, C.P. (2006). Cultural Diplomacy: Hard to Define, but You'd Know It If You Saw It. *Brown Journal of World Affairs*. 13(1).

Для цитирования: Кучерук, И.В. (2021). Особенности социокультурной составляющей «Новой Большой игры» в каспийском регионе в контексте теории игр. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 43-53.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-041-050

REFERENCES

Ageeva, V.D. (2016). *The role of «soft power» tools in the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization* (dissertation of the Candidate of Political Sciences). St. Petersburg*:* St. Petersburg State University,168 p. (in Russian)

Anistratov, V. (2017). "Game Theory" in Political Studies. *Spring of Science. Materials of the interuniversity scientific and practical conference of teaching staff, graduate students and students.* St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 10-19. (in Russian)

Borodina, M.Yu. & Gasanov, O.S. (2020). Humanitarian aspects of cooperation between Russia and Azerbaijan in the 21st century. *Via In tempore. Story. Political Science, 47*(2), 427-436. (in Russian)

Darabadi, P. (2011). The Caspian region in the international geopolitical system of the early 21st century. *Russia and the Moslem World, 10*, 38-53. (in Russian)

Degterev, D.A. & Degterev, A.Kh. (2011). Game theory and international relations. *World Economy and International Relations, 2*, 79-89. (in Russian)

Kameneva, M.S. (2017). Relations between Iran and neighboring countries: cultural aspect. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 5*, 242-251. (in Russian)

Lipovataya, M.S. (2017). Modern methods of political forecasting. *Advances in modern science, 5*(4), 221-229.

Litvishko, O.M. (2007). Group of interests in the “Great Game” around the Caspian Sea. News of higher educational institutions. *North Caucasus region. Social Sciences, 5*(141), 28-31. (in Russian)

Mamedova, Y.Y.K. (2021). On the history of Azerbaijani-Russian cultural relations in the post-Soviet period. *Contemporary Scientific Thought, 3*, 101-111. (in Russian)

Petrosyan, L.A., Zenkevich, N.A. & Shevkoplyas, E.V. (2012). *Game theory*. St. Petersburg: BHV-Petersburg. (in Russian)

Solodkova, T.M. & Larionov, N.A. (2017). Russia and Turkmenistan: dialogue of cultures. *Interpenetration of national cultures in the context of musical art. Materials of the scientific and practical conference within the framework of the III International Festival “Sounds of Dutar” named after Nury Halmamedov*. Voronezh: Rhythm, 170-175. (in Russian)

Trokal, T.V. (2018). Policy of the USA and Russia in the Caspian region. *Post-Soviet Studies, 1*(3), 260-268. (in Russian)

Chernitsyna, S.Yu. (2017). The role of extra-regional states in the Caspian Sea. *International Journal of Scientific Research, 8-1*(62), 119-122. (in Russian)

Szczepanski, M. (2019). Prisoner's dilemma. *Bulletin of Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 5. Economics. Sociology. Biology, 9*(1), 66-72. (in Russian)

Lord, C. (2006). *Losing Hearts and Minds?: Public Diplomacy and Strategic Influence in the Age of Terror*. London: Bloomsbury Academic, 139 p.

Maack, M.N. (2001). Books and Libraries as Instruments of Cultural Diplomacy in Francophone Africa during the Cold War. *Libraries & Culture. 1*.

Waller, M.J. (2009). Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy. *Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare*. Institute of World Politics Press, 74-99.

Schneider, C.P. (2006). Cultural Diplomacy: Hard to Define, but You'd Know It If You Saw It. *Brown Journal of World Affairs*. 13(1).

For citation: Kucheruk, I.V. (2021). Features of the Cultural Component of the «New Big Game» in the Caspian Region in the Context of Game Theory. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 43-53.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-041-050

INFORMATION SECURITY OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CASPIAN SEA

Sergey A. Khrapov

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1962-748X

ABSTRACT

The article is devoted to the complex problem of information security of the socio-cultural space of the Caspian Sea region. Using theoretical conclusions of the concepts of information security, cultural security, societal security of the Caspian macro-region, as well as the author's interpretation of the categories of "socio-cultural space" and "socio-cultural identity, the author tackles the problem of overcoming the limits of technical and socio-humanitarian knowledge in the context of understanding the issues of information and information security of socio-cultural space of the macro-region.

The conclusion of the article is the determination of the vulnerabilities and risks of information security of the socio-cultural space of the Caspian Sea region. Such specific social peculiarities as low level of socio-economic development of the Caspian countries and poverty; uneven level of "information "digital" competence of citizens; use of English as the main means of information communication, low level of legal framework, regulating the issues of information security in the spheres of education and culture; uncontrolled broadcasting of western identification images in the Caspian countries online space, are considered as the vulnerabilities In the conclusion of the article the author's definition of the risks of information security of the socio-cultural space of the Caspian Sea region is given.

KEYWORDS

informatization; information security; socio-cultural space; socio-cultural identity; culture; Caspian Sea region; societal security of the Caspian macro-region; threats; risks; vulnerabilities.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИКАСПИЯ

Храпов Сергей Александрович

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1962-748X

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексной проблеме информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия. Используя теоретические выводы концепций информационной безопасности, культурной безопасности, социетальной безопасности Каспийского макрорегиона, а также авторские интерпретации категорий «социокультурное пространство» и «социокультурная идентичность, автором решается проблема преодоления границ технического и социально-гуманитарного знания в контексте осмысления вопросов информатизации и информационной безопасности социокультурного пространства данного макрорегиона.

Итогом статьи является определение уязвимостей и рисков информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия. В качестве уязвимостей рассматриваются такие специфические социальные особенности как: невысокий уровень социально-экономического развития стран Прикаспия и бедность; неравномерный уровень «информационной «цифровой» компетенций граждан; использование английского языка как основного средства информационной коммуникации, низкий уровень нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы информационной безопасности в сферах образования и культуры; бесконтрольная трансляция в интернет пространстве стран Прикаспия западных идентификационных образов и типов социальной адаптации, низкий уровень процесса аккультурации информационного пространства и, как следствие, информационное отчуждение значительного пласта культурного наследия от актуального сознания молодежи. В заключении статьи дается авторское определение рисков информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информатизация; информационная безопасность; социокультурное пространство; социокультурная идентичность; культура; Прикаспий; социетальная безопасность Каспийского макрорегиона; угрозы; риски; уязвимости.

ВВЕДЕНИЕ

Техноцентризм современной цивилизации представляет собой одну из наиболее исследуемых проблем философии и социально-гуманитарных наук в целом. При этом по-прежнему актуальны вопросы о корреляции влияния техногенно-информационного темпоритма на антропо- и культурофеномены, природа и динамика которых всегда вызывали массу дискуссий. Процессы информатизации общества и культуры исследованы многими известными учеными (Кастельс, 2000, Бехманн, 2010, Уэбстер, 2004, Ronchi, 2009, Baeva, 2012, Алексеева, Аршинов, 2016, Отюцкий 2002, Скородумова 2004.). Влияние информатизации на кризисные явления в социокультурном пространстве проявляется весьма ярко и многоаспектно, поскольку информационно-цифровые изменения социального и культурного типов реальности приводит к кардинальным (часто деструктивным) трансформациям систем социальных коммуникаций и идентификации, образов человека, культуры и общества, зафиксированных в социальной памяти и общественном сознании. Именно в связи с этими процессами обострилась методологическая необходимость интеграции технического и социально-гуманитарного знания при решении проблем техногенной цивилизации и осмыслении комплекса вопросов, связанных с информационной безопасностью социальных и культурных систем. Социокультурная специфика Каспийского макрорегиона и его особое положение в современном глобальном мире, существенным образом обостряют актуальность исследования процессов его информатизации и решения вопросов обеспечения информационной безопасности.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИКАСПИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Системное осмысление проблем информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия требует преодоления границ технического и социально-гуманитарного знания, что представляет собой существенную методологическую сложность. Например, типичным для представителей технических наук является рассмотрение следующих основных направлений информатизации:

«1) совершенствование технических средств (ТС) информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);

2) развитие программного обеспечения (ПО);

3) увеличение объемов информационных ресурсов (ИР) в электронной форме;

4) повышение их доступности за счет применения интернета;

5) развитие локальных, региональных, континентальных и глобальных вычислительных сетей;

6) увеличение скорости доступа к ИР;

7) обеспечение ИКТ-компетентности граждан и организаций» (Брумштейн, Коновалова, Васильев, Нежников, Тишкова, 2019, с. 8).

Данный подход, безусловно, имеет большое техническое и прикладное значение, но в нем отсутствуют принципы культуро- и человекоразмерности. Аксиологизация этого подхода способствует формированию «информационно-компьютерной» картины мира, в центре которой находятся информационно-коммуникационные технологии, наделяемые «по сути» субстанциональными свойствами, а человеку и культуре отводиться место неких «приложений». При этом есть весьма успешные, на наш взгляд, теории, способствующие комплексному междисциплинарному взаимодействию. Так, особое теоретическое значение для нас имеет концепция информационной безопасности, в частности идея И.М. Ажмухамедова о логической цепочке реализации рисков:

Источник угрозы => Риск (Угроза + Уязвимость) => Реализация угрозы (атака, негативное влияние) => Последствия (ущерб) (Ажмухамедов, 2012; web). Этот подход позволяет исследовать информационную безопасность в пространственно-временном континууме вероятности (рисков) наличия и реализации угроз, определения потенциала противостояния или способствования их реализации и наступления деструктивных последствий. Примечательно, что представители данного подхода исследуют вопросы информатизации и информационной безопасности в социальном контексте. Например, Д.А. Мачуева и И.М. Ажмухамедов отмечают, что «социальная система (СС) – это сложно организованное упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов и социальные общности, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями. Значимыми параметрами СС являются связность, коммуникабельность и восприимчивость ее элементов к внешним воздействиям (Мачуева, Ажмухамедов, 2018). Эта идея о сложном, динамичном обществе, содержащем противоречивые явления, подверженном внутренним и внешнем угрозам вполне конгруэнтна основным идеям социетального подхода, которые, в частности, определяет автор концепции социетальной безопасности Каспийского макрорегиона А.П. Романова: «Основные положения социетального подхода включают следующие факторы: референтным объектом исследования является так называемое «социетальное сообщество»; основанием существования такого сообщества является коллективная идентичность – чаще всего культурная, иногда конфессиональная; эта проблематика всегда рассматривается применительно к определённому социальному пространству, которое трансформируется под влиянием политических, экономических, экологических факторов (Романова, 2021, с 55). В свою очередь, полагаем релевантным предложить авторскую интерпретацию «*социокультурной идентичности как процесса типологического самоопределения и ориентирования социальных субъектов и общества на выработанные культурно-исторической динамикой и фиксированные на уровнях общественного бессознательного и сознания образы, стратегии социального взаимодействия и модели цивилизационного развития»* (Храпов, 2011).

Соответственно, можно предположить методологическую возможность выработки интегрального информационно-философского подхода к исследованию

проблем информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия как особого макрорегиона.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИКАСПИЯ: РИСКИ И УЯЗВИМОСТИ

При осмыслении проблемы информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия (локализованного границами России, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Ирана) мы будем исходить из концепции Культурной безопасности (А.П. Романова, Е.В. Хлыщева, С.Н. Якушенков, М.С. Топчиев), согласно которой «*сам процесс обеспечения культурной безопасности представляет собой человеческую активность на различных уровнях – от личности до государства и человечества в целом, направленная на выявление, предупреждение и устранение опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести непоправимый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития*» (Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013, с. 170), а также из авторского определения «*социокультурного пространства как интегрального феномена, онтологически центрированного на географической и общественной реальности, сочетающим ключевые параметры ее культурного и социального развития*» (Храпов, 2019, с. 14). Особо значимыми составляющими социокультурного пространства, на наш взгляд, являются язык, менталитет, система хабитуляции (сложившегося структурно-функционального социального взаимодействия), ценностная система, социокультурная идентичность и общественное сознание. Данные феномены зафиксированы в идеальных и материальных носителях социальной памяти (памяти людей, языке, смысловом содержании предметов художественного творчества и религиозного культа, архитектурных сооружениях, книгах, цифровых носителях) (Храпов, 2019, с. 14-15). Учитывая национальную и политическую специфичность стран Прикаспия, очевидно, что его социокультурное пространство является неоднородным, диффузным и даже «взрывным» в некоторых локусах. Тем не менее, наличие общего исторического прошлого, культурных, экономических, политических связей, центрированных вокруг Каспийского моря, позволяет рассматривать данную территорию как особый макрорегион, обладающей некой социокультурной общностью, социокультурной идентичностью, включающей в себя национальные общности и идентичности.

Экстраполируя основные идеи концепции информационной безопасности, рассмотренные нами в первой части данной статьи, на процессы информатизации социокультурного пространства Прикаспия, полагаем возможным выделить несколько основополагающих методологических позиций:

1. Процессы информатизации, виртуализации, цифровизации социокультурных феноменов стран Прикаспия вызваны их неравномерной включенностью в техногенный темпоритм современной глобальной цивилизации.

2. Фиксация языковой коммуникации, культурной жизни, идентичности, социально-адаптационных практик в информационном (цифровом) пространстве, с одной стороны, отвечает общемировым процессам цивилизационного развития, а с другой – обладает макрорегиональной и локальной (национальной) специфичностью, обусловленной особенностями развития стран Прикаспия.

3. Выделенные нами традиционные механизмы динамики социокультурного пространства: *фиксация, конфликтность, интеграция, деактуализация, актуализация* – подвергаются деструктивному информационному воздействию, обусловленному десинхронной техногенной объективацией таких социо-гносеогенных феноменов, как социальная память и общественное сознание. Десинхронность проявляется в том, что в странах Прикаспия значительные пласты социальной памяти и общественного сознания уже переведены информационно-цифро-медийную форму, доступную части граждан, при этом есть значительные пласты информации, зафиксированные традиционными культурно-историческими формами и так же доступны только части населения.

4. Информационные ресурсы, социальные сети, сайты и т.п. выступают инструментами воздействия на феномены социокультурного пространства Прикаспия, в первую очередь на социокультурную идентичность, формируя ее кризисный характер.

5. Социально-экономические, коммуникационно-географические, социально-антропологические (демографические), политико-правовые, культурно(религиозно)-исторические особенности, с одной стороны, формируют архитектонику национальной и макрорегиональной идентичности, определяют ее устойчивую субъективность в глобальном мире, а с другой стороны, содержат в себе кризисные явления, являющиеся, в том числе, и уязвимостями для информационно безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, полагаем возможным выделить следующие *основные уязвимости информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия*:

- невысокий уровень социально-экономического развития стран Прикаспия и бедность способствуют отчуждению от традиционной социокультурной идентичности и поиска новой идентичности, стратегий социальной адаптации и профессионализации в интернет-пространстве, что усиливает его манипулятивный потенциал.

- неравномерный уровень «информационной «цифровой» компетенций граждан, обусловленный социально-экономическими и культурно-религиозными факторами (например, ограничение доступа девочек в Иране и Туркменистане к информационным ресурсам);

- низкий уровень нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы информационной безопасности в сферах образования и культуры;

- низкий уровень процесса аккультурации информационного пространства (то есть представленности порталов и сайтом учреждений культуры и религии, в частности электронных каталогов музеев, галерей, электронных библиотек).

- использование английского языка как основного средства информационной коммуникации, что способствует девальвации роли национальных языков.

- бесконтрольная трансляция в интернет-пространстве стран Прикаспия (особенно России, Казахстане, Азербайджане) ценностей и типов идентичности западной культуры, угрожающих базовым ценностям их социокультурной идентичности (Федоров, 2021, с. 402). Данные процессы протекают не изолированно, а в контексте системных преобразований постсоветских стран и интегрирования их в глобальный мир. Наиболее тесно они связаны с деформацией матрицы духовных ценностей и архитектоники традиционной культуры.

Таким образом, проведенный нами философский анализ позволяет предложить авторскую интерпретацию *рисков информационной безопасности социокультурного пространства Прикаспия – как вероятностей реализации информационных угроз устойчивому функционированию социокультурной идентичности, традиционных моделей языка, культуры, религии, обычаев, систем социальной адаптации), опосредованных макрорегиональными и локальными уязвимостями (кризисными социально-экономическими, коммуникационно-географическими, социально-антропологическими (демографическими), политико-правовыми, культурно-историческими особенностями) и формирующие деструктивные последствия для социетального развития Каспийского макрорегиона.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ажмухамедов, И.М. (2012). *Информационная безопасность. Системный анализ и нечеткое когнитивное моделирование.* Москва: Издательство LAP.

Алексеева, И.Ю., Аршинов, В.И. (2016). *Информационное общество и НБИКС-революция: монография.* Москва: ИФ РАН.

Бехманн, Г. (2010). *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний: монография.* Москва: Логос.

Брумштейн, Ю.М., Коновалова, Д.И., Васильев, Н.В., Нежников, Р.И., Тишкова, А.С. (2009). Системный анализ взаимосвязей процессов информатизации и глобализации (на примере прикаспийских регионов России). *Каспий в эпоху цифровой экономики: материалы Международного научно-практического форума*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 7-12.

Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* Москва: ГУ ВШЭ.

Мачуева, Д.А., Ажмухамедов, И.М. (2018). Моделирование процесса информационного взаимодействия в социальных системах. *Системы управления, связи и безопасности*, *2*, 18-39.

Отюцкий, Г.П. (2002). *Философские проблемы информационно-компьютерной революции.* Москва: МГУП.

Риски информационной безопасности. Получено из https://arinteg.ru/articles/riski-informatsionnoy-bezopasnosti-26222.html

Романова, А.П., Хлыщева, Е.В., Якушенков, С.Н., Топчиев, М.С. (2013). *Чужой и культурная безопасность.* Москва: РОССПЭН.

Романова, А.П. (2021). Концепция социетальной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(1), 55-65.

Скородумова, О.Б. (2004). *Культура информационного общества.* Москва: МГИРЭА.

Уэбстер, Ф. (2004). *Теории информационного общества*. Москва: Аспект Пресс.

Федоров, А.В. (2021). Американская политика в информационной сфере – угроза региональной безопасности. *Каспий в цифровую эпоху: сборник трудов Национальной научно-практической конференции с международным участием в рамках Международного научного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития»*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 402-406.

Храпов, С.А. (2011). *Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук*. Москва: Российский государственный социальный университет.

Храпов, С.А. (2019). *«Человек техногенный» в социокультурном пространстве техногенной цивилизации: монография*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».

Храпов, С.А. (2020). Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен. *Вопросы философии*, *3*, 99–106.

Baeva, L.V. (2012). Anthropogenesis and Dynamics of Values under Conditions of Information Technology. *International Journal of Technoethics*, *3*, 33-50.

Ronchi, A.M. (2009). *E-Culture*. New York: Springer-Verlag, LLC.

Для цитирования: Храпов, С.А. (2021). Информационная безопасность социокультурного пространства Прикаспия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 54-63.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-051-059

REFERENCES

Azhmukhamedov, I.M. (2012). *Information security. System analysis and fuzzy cognitive modeling.* Moscow: Publishing house LAP. (in Russian)

Alekseeva, I. Yu. & Arshinov, V.I. (2016) I*nformation Society and NBICS-revolution: monograph.* Moscow: IP RAS. (in Russian)

Behmann, G. (2010). *Modern society: risk society, information society, knowledge society: monograph.* Moscow: Logos. (in Russian)

Brumshtein, Yu.M., Konovalova, D.I., Vasiliev, N.V., Nezhnikov, R.I. & Tishkova, A.S. (2009). System analysis of the interrelationships of informatization and globalization processes (on the example of the Caspian regions of Russia) // *Caspian in the era of digital economy: materials of the International scientific and practical forum*. Astrakhan: Publishing House «Astrakhan University». 7-12. (in Russian)

Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture.* Moscow: SU HSE. (in Russian)

Machueva, D.A. & Azhmukhamedov, I.M. (2018). Modeling the process of information interaction in social systems. *Control, Communication and Security Systems*, *2*, 18-39. (in Russian)

Otyutsky, G.P. (2002). *Philosophical problems of the information and computer revolution.* Moscow: MGUP. (in Russian)

Information security risks. Retrieved from https://arinteg.ru/articles/riski-informatsionnoy-bezopasnosti-26222.html (in Russian)

Romanova, A.P., Khlyshcheva, E.V., Yakushenkov, S.N. & Topchiev, M.S. (2013). *Alien and Cultural Security.* Moscow: ROSSPEN. (in Russian)

Romanova, A.P. (2021) The concept of societal security: theory, discussion and Caspian perspectives. *Caspium Securitatis: Caspian Security Journal*, *1*(1), 55-65.

Skorodumova, O.B. (2004). *Culture of the Information Society.* Moscow: MGIREA. (in Russian)

Webster, F. (2004). *Information Society Theories.* Moscow: Aspect Press. (in Russian)

Fedorov, A.V. (2021). American policy in the information sphere - a threat to regional security. *Caspian Sea in the Digital Age: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference with international participation in the framework of the International Scientific Forum "Caspian 2021: Ways of Sustainable Development"*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. 402-406. (in Russian)

Khrapov, S.A. (2020). Social memory as a cognitive and "technogenic" phenomenon. *Voprosy Filosofii*, *3*, 99-106. (in Russian)

Khrapov, S.A. (2019). "*Human-technogenic" in the socio-cultural space of technogenic civilization: monograph.* Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (in Russian)

Khrapov, S.A. (2011). *Transformation of public consciousness in the socio-cultural space of post-Soviet Russia: dissertation for the degree of Dr. Philosophy Sciences.* Moscow: Russian State Social University. (in Russian).

Baeva, L.V. (2012). Anthropogenesis and Dynamics of Values under Conditions of Information Technology. *International Journal of Technoethics, 3*, 33-50.

Ronchi, A.M. (2009). *E-Culture*. New York: Springer-Verlag, LLC.

For citation: Khrapov, S.A. (2021). Information Security of the Socio-Cultural Space of the Caspian Sea. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 54-63.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-051-059

PROBLEMATIC ISSUES OF RUSSIAN PATRIOTISM (THE REPUBLIC OF DAGESTAN CASE STUDY)

Zaid M. Abdulagatov

Institute of History, Archaeology and Ethnography DFRC RAS, Russia, Makhachkala.
E-mail: Zaid48@mail.ru

ABSTRACT

The author gives an analysis of the Dagestanis' state of patriotic consciousness in the article. The problematic issues of patriotic education in the region are revealed. The low level of Russian patriotism in the Republic of Dagestan is connected with three main reasons: a) drawbacks and blunders in the state social policy; b) strengthening the role of Islamic worldview in the socialization of modern youth; c) the lack of a clear secular orientation in school education and upbringing. The conclusions are based on the data of statistics and sociological surveys of 2019, 2021 conducted by the author in the Republic of Dagestan.

KEYWORDS

patriotism; Russia; Dagestan; religious; secular; secondary school; education, law; sociological survey; ethnic groups; culture.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Абдулагатов Заид Магомедович

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Россия, Махачкала
E-mail: Zaid48@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор дал анализ состояния патриотического сознания дагестанцев. Выявлены проблемные вопросы патриотического воспитания в регионе. Показано, что низкий уровень российского патриотизма в Республике Дагестан связан с тремя главными причинами: а) недостатками и просчетами в социальной политике государства; б) усилением роли исламского мировоззрения в социализации современной молодежи; в) отсутствием четкой светской ориентации школьного образования и воспитания. Сделанные выводы основаны на данных статистики и социологических опросов 2019, 2021 годов, проведенных автором в Республике Дагестан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Патриотизм; Россия; Дагестан; религиозное; светское; общеобразовательная школа; воспитание; закон; социологический опрос; этносы; культура.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В различных регионах России проявления типов социальных идентичностей имеют свои особенности. Так или иначе они имеют отношение к современным проблемам российского патриотизма. Многообразие идентичностей – российская (гражданская), региональная (республиканская), этническая, религиозная, космополитическая и др. – создают непростую ситуацию выбора в условиях кризиса идентичностей. И, как показывают социологические опросы, не всегда этот выбор идет в русле интересов российского патриотизма (Авксентьев, Аксюмов, 2010, с. 18-27; Абдулагатов, 2013, с. 240-242). Эта ситуация является предметом особой озабоченности российского государства. В своей, можно сказать, программной, статье по этому поводу «Россия: национальный вопрос» Президент России В.В. Путин писал: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим» (Путин, 2012).

Тем не менее, в республиках Северного Кавказа, в которых основная масса населения исповедует исламскую религию, начиная с конца 80-х годов прошлого века проблема российского патриотизма остается острой. Показателями этого являются не только так называемые две «чеченские» войны в конце XX века, но и активное участие мусульман Северного Кавказа в деятельности ИГИЛ[1]. По информации главы ФСБ Александра Бортникова, «в Сирии, только по подтвержденным данным, на стороне Исламского государства и других отрядов воюют свыше 4 тысяч дагестанцев» (Алиев, 2016). Этнолог А. Ярлыкапов считает, что таковых в Сирии было не меньше 5 тысяч (Тлисова, 2016).

Другой пример того же порядка демонстрировали мусульмане Дагестана и Чечни в 2017 году. Речь идет о событиях в Мьянме. Выражая свои позиции по конфликту в Мьянме, мусульмане в Чечне организовали многотысячный митинг солидарности с мусульманами этой страны. Митинг прошел и в Дагестане. В этих событиях важно то, что митингующие готовы идти против интересов России ради защиты интересов ислама. Информационный бум имел место в связи с заявлением Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова: «Если Россия будет поддерживать тех шайтанов, которые сегодня совершают преступления, – я против позиции России. Потому что у меня свое видение, своя позиция», – сказал он в видеозаписи, обнародованной на его странице в Instagram 4 сентября 2017 года[2]. Такого рода выступления мусульман России имели место и в 1998, 1999, 2003 годах.

Приведенные выше примеры антипатриотизма не являются случайными проявлениями религиозного сознания. Согласно исламской нормативности, мусульманин должен защищать свою Родину, но эта задача стоит на втором месте.

[1] ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в РФ.
[2] Кадыров готов выступить против позиции России по ситуации в Мьянме. Получено из http://www.google.ru/ar

Прежде всего он должен защищать интересы ислама. Исламский патриотизм есть явление особое. В своих нормативных положениях он связывает человека не столько с народом, с территорией, сколько с «мусульманским братством».

В поисках объяснений приведенным негативным, непатриотичным явлениям религиозного поведения, необходимо обратить внимание на то, что наше общество сегодня есть общество с «разорванным» сознанием. Мы находимся в состоянии «кризисного социума», в котором застойное противоречие между культурой и характером социальных отношений блокирует механизмы общественного развития (Лапин 2000, с. 96-97).

Проявления «кризисного социума», «расколотого общества» особенно сильны в регионах, где традиционная культура делает акцент на религиозные ценности (Авксентьев, Аксюмов, 2010, с. 18-27; Шахбанова, 2016, с. 150-162). Об этом же говорят научные исследования, проводимые и другими учеными-обществоведами северокавказских республик по вопросам воспитания молодежи, актуальным проблемам семьи (Омарова, 2016, с. 213-216; Рагимова, 2016, с. 2016-2019; Хаджимурадова, 2016, с. 226-231).

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

По результатам социологического опроса, проведенного «Левада-центром» в 2018 году, 45% опрошенных (против 39% в марте 2015 года) считают, что в РФ «не удалось обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей»[3].

По данным Росстата, по итогам первого полугодия 2021 г. за чертой бедности в России проживали 19,1 млн человек, или 13,1% населения[4]. Все это происходит на фоне заявления В.В. Путина о «нетерпимом разрыве между богатыми и бедными, который образовался в России»[5], о том, что «нужно многое менять в сфере социальной политики»[6]. По истечении почти 20 лет, 27 сентября 2021 года Президент России вновь характеризует ситуацию в стране как «бедность значительного числа населения, нерешенные проблемы в системе здравоохранения, образования, в развитии инфраструктуры»[7].

По данным Росстата, почти треть россиян считает, что в 2019 году их положение только ухудшилось, а экономические условия в стране плохие. Каждый четвертый уверен, что в ближайшие годы станет только хуже[8].

[3] Россияне назвали основные претензии к Путину и его заслуги. Получено из https://news.mail.ru/society/33387603/?frommail=1

[4] Путин назвал бедность и проблемы здравоохранения главными врагами России. Получено из https://news.mail.ru/politics/48107432/?frommail=1&exp_id=943

[5] Путин: в бедности россиян виноваты 1990-е. Получено из https://www.svpressa/society/article/1

[6] Там же

[7] Путин заявил, что враг в лице бедности в России пока не побежден. Получено из https://1prime.ru/state_regulation/20210927/834811058.html

[8] Росстат-новости. Получено из https://news.mail.ru/company/rosstat

Соотношение между средним душевым доходом 10% самых богатых и 10% самых бедных в России в последние годы, по данным Росстата, держится примерно на одном уровне – 15-16 раз[9]. По утверждениям экспертов, как только децильный коэффициент достигает 10, в стране появляются условия для социальных беспорядков. Это негативный фактор социализации, противодействующий российскому патриотизму.

Результаты социологического опроса Аналитического центра Юрия Левады, проведенного в 2021 г., показывают, что каждый пятый житель РФ (22%, или почти 32 млн человек) хотел бы уехать за границу на постоянное жительство. Среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет так ответила половина (48%). В 2017 году такой точки зрения придерживались 15% респондентов. Доля опрошенных, иногда думающих о переезде за границу, достигла 20% (Мыльников, 2021).

В условиях Дагестана социальные условия, способствующие протестным настроениям, негативному отношению к российскому патриотизму выражены в большей степени. Дагестан – республика с депрессивной экономикой. Бюджет республики в последние десятилетия является дотационным на 75-80%. В республике с 90-х годов прошлого века стабильно высокий уровень безработицы. По данным Росстата на первое полугодие 2021 года, в республике было 214,5 тысяч безработных. Это 15,8% «рабочей силы» Дагестана (в России – 4,9%)[10]. В отдельных горных районах с высокими показателями экстремизма безработица превышала 50% трудоспособного населения.

В республике высокий уровень коррупции. Данные социологических опросов, проведенных Отделом социологии Института ИАЭ ДНЦ РАН, подтверждают это: почти 70% опрошенных признались в наличии у них коррупционного опыта – «давали или брали взятки» (Расулов, 2008, с. 126-127). В 2019 году на длительные сроки осуждены за коррупцию Председатель правительства РД, два вице-премьера, министр образования и науки, другие представители власти. В низших звеньях власти это явление распространено больше.

Республика Дагестан в течение многих лет была на последнем месте по уровню средних зарплат. По данным Росстата на первую половину 2021 года, среди 85 субъектов РФ Дагестан находится на 81 месте с показателем средней зарплаты 31 356 руб. (Россия – 54 595 руб.)[11].

По данным социологических опроса 2021 года, проведенного в РД, главную причину проявлений экстремизма и терроризма родители и педагоги общеобразовательных школ видят в «проблемах безработицы, бедности, коррупции в Дагестане» (70,2% опрошенных).

[9] Почти 95% молодых людей жалуются на социальное неравенство в стране. Получено из https://newizv.ru/article/general/04-06-2021/tsifra-dnya-pochti-95-molodyh-lyudey-zhaluyutsya-na-sotsialnoe-neravenstvo-v-strane

[10] Цена большого роста. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2021 года. Получено из https://rg.ru/documents/2021/09/09/rosstat-dok.html

[11] Там же

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Резонансным новшеством в содержании школьного образования был Законопроект №438863-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Он вводит существенные, не в пользу развития многочисленных родных языков России, нормы образовательного процесса. Документом, в частности в Пояснительной записке к закону, даётся следующая формулировка: «преподавание и изучение государственных языков республик РФ осуществляется на добровольной основе и не может осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации … право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации реализуется в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, с учетом потребностей обучающихся и их родителей (законных представителей)»[12].

Как и следовало ожидать, у многочисленных российских этносов – в России таковых 193 в совокупности с 277 языками и диалектами – изменения в законе были восприняты негативно. Стремление усилить российское единство, российский патриотизм пассивной эвтаназией этнических языков является ошибочным с точки зрения целей российской социетальности.

Проекты «Закона о Российской нации» и «Закона о патриотическом воспитании в РФ» (2018 г.) россиянами были отвергнуты, что говорит о серьезных проблемах идеологического характера в сфере взаимоотношений государства и общества в вопросах формирования российской идентичности и российского патриотизма.

Среди ученых появилась тенденция «научного» обоснования необходимости ущемления национальных культур – языка, истории, традиций почти 200 народностей, проживающих в России (Гранин, 2013, с. 19). В результате различных «научных» экспертиз из школьных программ исчез предмет «Культура и традиции народов Дагестана» (КТНД). Принято решение, что отдельного образовательного предмета «История Дагестана» в школах Дагестана не будет. Сокращены в два и более раз уроки родного языка, литературы. Они уже стали не обязательными, в отличие от уроков физкультуры, шахмат, для учащихся национальных школ. В то же время данные опросов среди учителей общеобразовательных школ показывают, что, отвечая на вопрос: «Какие школьные уроки (предметы), на Ваш взгляд, наиболее значимы в воспитании у детей негативного отношения к идеологии экстремизма и терроризма? (Можно выбрать несколько вариантов ответа)», учителя указали на то, что изучение предметов «Культура и традиции народов Дагестана» (КТНД), «История Дагестана», наряду с «Историей Отечества»

[12] Законопроект № 438863-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" (в части изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации)». Получено из http://sozd.parliament.gov.ru/bill/438863-7

(России), играют первостепенную роль в противодействии идеологии экстремизма и терроризма. То есть эти предметы имеют исключительную важность в формировании патриотических настроений молодежи. Попытки использовать общеобразовательную школу в целях стереть с сознания учащихся этнические ценности может иметь обратный эффект.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. По данным Росфинмониторинга, экстремизм и терроризм, проявляемый в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Татарстане, не имеют, за редким исключением, националистического характера[13]. Национализм больше проявляет себя в крупных городах России с большим миграционным потоком.

Указанные выше явления негативного отношения к этническим культурам находят своё правовое оправдание в «Стратегии национальной политики РФ до 2025 года» (далее – Стратегия). Почти во всех положениях проекта в новой редакции вместо слова «развитие» использовано другое слово – «поддержать»[14]. Символично, что руководил составлением проекта Стратегии автор известной монографии «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». Хоронить этносы, по меньшей мере, рановато.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

В данном фрагменте текста приведены отдельные результаты социологических опросов, которые имеют отношение к проблемным вопросам российского патриотизма.

Ежегодная убыль населения Дагестана из-за внешней миграции в последнее время составляет более 12 000 человек. В основном по причинам экономического, социального характера.

2. В социологическом опросе, проведенном автором в 2016 году, ни один из опрошенных учащихся и студентов исламских учебных заведений не проявил желания совместной жизни с русским человеком, если рядом не окажется представителей своего народа. В 1999 году желание жить с русским человеком на тех же условиях проявляли 45-48% представителей отдельных дагестанских этносов. В отношении других коренных народностей Дагестана эти показатели были значительно ниже – от 5% до 8%. Отношение к русскому человеку есть индикатор российского патриотизма. Исламская религиозность в Дагестане снижает показатели российского патриотизма.

[13] Перечень дополнен. Получено из Российская газета. 15 нояб. 2013 г.; 15 янв. 2014 г.; 27 апр. 2015 г.; 20 июля 2015 г.; 21 авг. 2015г.; 14 сент. 2015 г.; 19 окт. 2015 г.; 17 нояб. 2015 г.; 14 марта 2016 г.; 6 апр. 2016 г.; 18 мая 2016 г.; 14 окт. 2016 г.; 19 сент. 2018 г.; 11 янв. 2019 г.

Диаграмма 1.
Распределение ответов на вопрос: «Где Вы предпочли бы жить в будущем?».
РД. 2021 г. Старшеклассники общеобразовательных школ. N – 627.

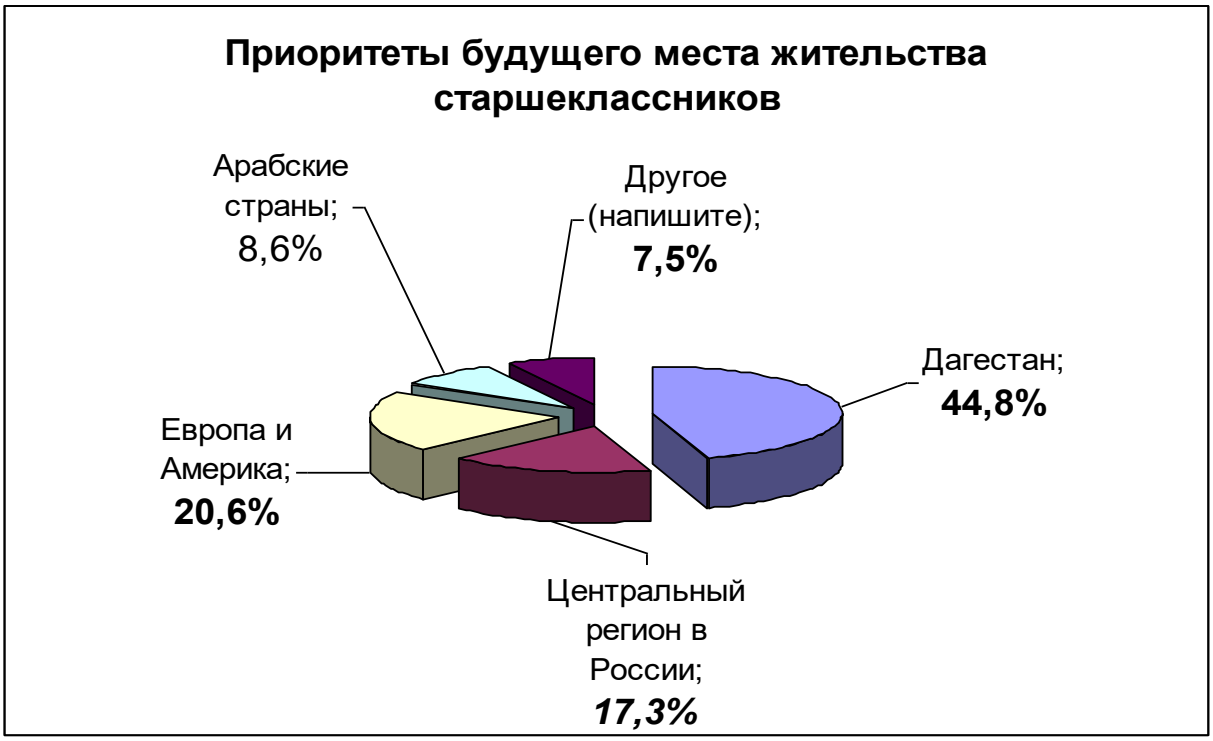
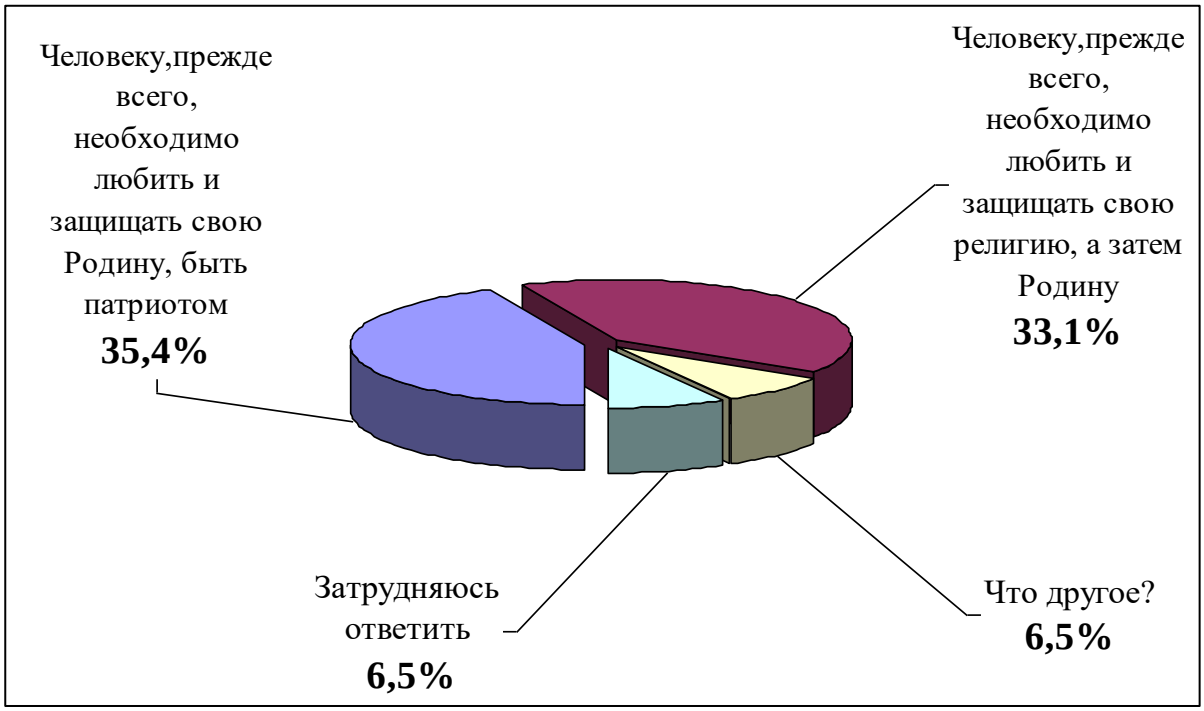


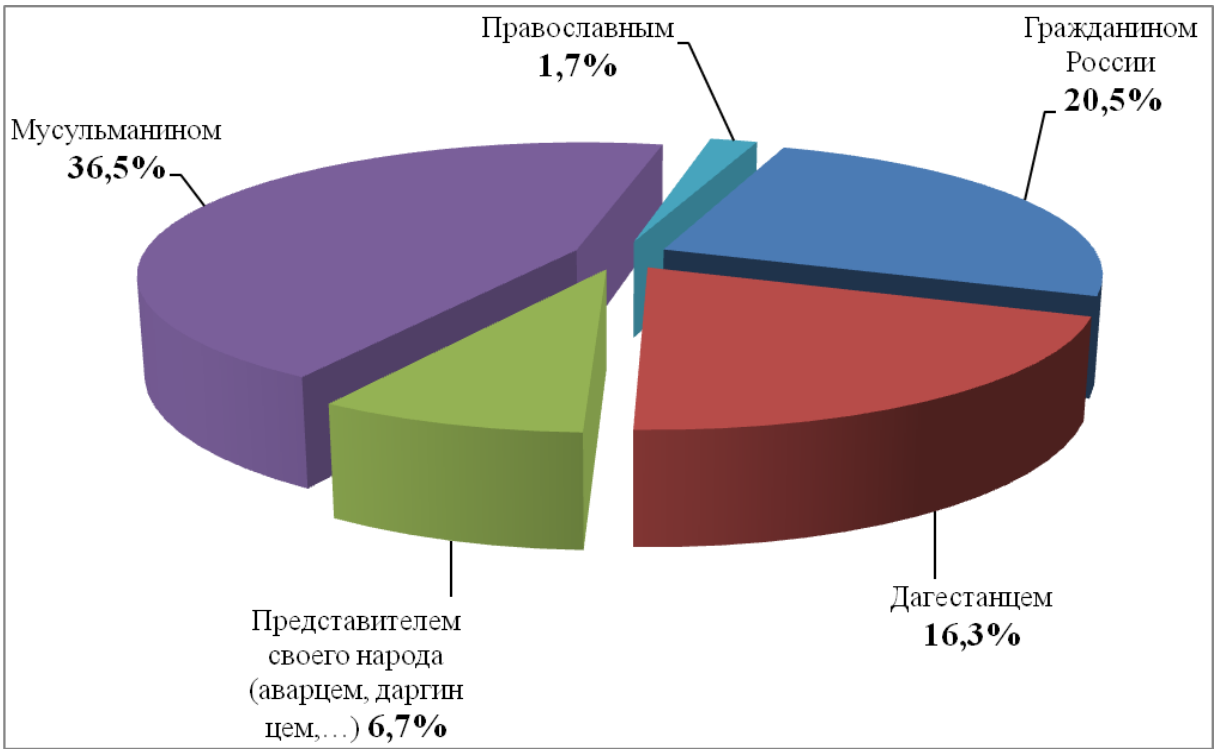
Диаграмма 2.
Распределение ответов на вопрос о ценностях патриотизма и религии.
РД. 2019 г. Старшеклассники общеобразовательных школ. N – 619.



Только 22,7% молодых учителей считает, что выпускник школы «должен быть патриотом России». У старшего поколения этот показатель оказался равным 38,9%. По сути, дагестанская общеобразовательная школа в лице её педагогических кадров не готова к воспитанию патриотов России.

Диаграмма 3.

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя прежде всего считаете?». РД. 2019 г. Старшеклассники общеобразовательных школ. N – 619.



На вопрос: «Каким, на ваш взгляд, должен быть воспитанный в Вашей семье молодой человек?» (2019 г.), где были предложены 13 вариантов ответа, позицию «Он должен быть патриотом России» выбрали всего 13,3% родителей (мужчины – 12,7%).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос об отношении респондента к мусульманам (дагестанцам, чеченцам и др.), воюющим на стороне ИГИЛ. РД. 2019 г. Старшеклассники общеобразовательных школ. N – 619 (%).

Варианты ответа / **Группы опроса**	Они настоящие мусульмане, которые воевали за истинный ислам	Они заблудшие мусульмане, которые воюют на стороне исламских террористов	Они не мусульмане, а террористы, которые преследуют неисламские цели	Другое	Затрудняюсь ответить
Мужчины	6.1	24.7	34.4	2.4	18.6

Женщины	9.0	20.4	32.3	3.2	22.9
Общее	7.6	22.4	33.3	2.9	20.9

Значимые показатели таблицы 1: во-первых, 7,6%, считающих боевиков ИГИЛ «настоящими мусульманами», – высокий показатель экстремальности сознания старшеклассников. В РД около 450 000 учащихся общеобразовательных школ. По приблизительным подсчетам, в настоящее время ИГИЛ в РД находит поддержку у более чем 6 000 старшеклассников. Во-вторых, 20,9% опрошенных «задумались», не уверены в том, что воюющие на стороне ИГИЛ являются экстремистами, террористами.

ВЫВОДЫ

1. Вопросы российского патриотизма в России и Дагестане имеют свои общие и специфические проблемы. Общие проблемы связаны с низким уровнем социально-экономических условий жизни людей в России в целом. В Дагестане эти показатели наиболее низкие среди субъектов России. Это обстоятельство снижает показатели российского патриотизма дагестанцев.

2. Государство дало слишком много прав религиозному сознанию, религиозным организациям в вопросах формирования мировоззрения молодого поколения. Религиозный фактор стал основным в формировании мировоззрения молодых дагестанцев. Эта идеология проникла в общеобразовательную школу. Исламская религиозность в Дагестане снижает показатели российского патриотизма.

3. Дагестанская общеобразовательная школа не готова к воспитанию российских патриотов по разным причинам. Среди этих причин главная заключается в том, что учителя сами не имеют должного уровня российского патриотического сознания. Основная масса педагогов имеет высокий уровень исламской религиозности, который негативно влияет на патриотические настроения. Изъятие из школьных программ уроков «Культура и традиции народов Дагестана», «История Дагестана», необязательность уроков родного языка и литературы лишают учителя важных инструментов противодействия религиозному экстремизму и терроризму, которые являются крайними проявлениями антироссийских настроений в республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулагатов, З.М. (2013). *Исламское массовое сознание постсоветской России*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 379 с.

Авксентьев, В.А., Аксюмов, Б.В. (2010). Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора, *Социологические исследования*, *12*, 18-27.

Алиев, Ш. (2016). Размен позиций. *Черновик*. Получено из https://chernovik.net/content/respublika/razmen-poziciy

Гранин, Ю.В. (2013). Формирование российской нации: коммуникативный аспект. *Журналист. Социальные коммуникации*, *3*(11), 19.

Лапин, Н.И. (2000). *Пути России: социокультурные трансформации*. Москва.

Мыльников, П. (2021). Более 30 млн россиян хотят эмигрировать. Получено из https://www.dw.com/ru/bolee-30-mln-rossijan-hotjat-jemigrirovat/a-58310364

Омарова, П.А. (2016). Приобщение к исламским ценностям в семье как фактор самоопределения личности учащихся. *Актуальные проблемы современной семьи: теория и практика.* Грозный: ЧГПУ, 213-216.

Путин, В.В. (2012). Россия: национальный вопрос. *Российская газета*. 23.01.2012.

Рагимова, Л.И. (2016). Региональные воспитательные традиции в современной семье. *Актуальные проблемы современной семьи: теория и практика*. Грозный: ЧГПУ, 216-219.

Расулов, М.А. (2008). *Неформальная экономика в современном Дагестане*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 239 с.

Тишков, В.А. (2003). *Реквием по этносу. Исследования по социально- культурной антропологии*. Москва: Наука.

Тлисова, Ф. (2016). Эксперты: «репрессивная» политика Кремля толкает тысячи людей в ряды ИГИЛ. Получено из http://Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html

Хаджимурадова, Х.З. (2016). Проблемы Российской современной семьи. *Актуальные проблемы современной семьи: теория и практика.* Грозный: ЧГПУ.

Шахбанова, М.М. (2016). Патриотические настроения в установках дагестанских народов. *Вестник Института ИАЭ*, *4*, 150-162.

Для цитирования: Абдулагатов, З.М. (2021). Проблемные вопросы российского патриотизма (на примере республики Дагестан). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 64-75.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071

REFERENCES

Abdulagatov, Z.M. (2013). *Islamic mass consciousness of post-Soviet Russia*. Makhachkala: INAE DSC RAS, 379 p. (in Russian)

Avksentyev, V.A., Aksyumov, B.V. (2010). Portfolio of identities of young people in the South of Russia in conditions of civilizational choice, *Sociological Research*, *12*, 18-27. (in Russian)

Aliev, Sh. (2016). Exchange of positions. Draft. Retrieved from https://chernovik.net/co

ntent/respublika/razmen-poziciy (in Russian)

Granin, Yu.V. (2013). Formation of the Russian nation: communicative aspect. *Journalist. Social Communications*, *3*(11), 19. (in Russian)

Lapin, N.I. (2000). *The paths of Russia: sociocultural transformations*. Moscow. (in Russian)

Mylnikov, P. (2021). More than 30 million Russians want to emigrate. Retrieved from https://www.dw.com/ru/bolee-30-mln-rossijan-hotjat-jemigrirovat/a-58310364 (in Russian)

Omarova, P.A. (2016). Introducing to Islamic values in the family as a factor in students' personal self-determination. *Current problems of the modern family: theory and practice*. Grozny: ChSPU, 213-216. (in Russian)

Putin, V.V. (2012). *Russia: a national question*. Russian newspaper. 01/23/2012. (in Russian)

Ragimova, L.I. (2016). Regional educational traditions in a modern family. *Current problems of the modern family: theory and practice*. Grozny: ChSPU, 216-219. (in Russian)

Rasulov, M.A. (2008). *Informal economy in modern Dagestan*. Makhachkala: INAE DSC RAS, 239 p. (in Russian)

Tishkov, V.A. (2003). *Requiem for ethnicity. Research in socio-cultural anthropology*. Moscow: Science. (in Russian)

Tlisova, F. (2016). Experts: the Kremlin's "repressive" policies are pushing thousands of people into the ranks of ISIS. Retrieved from http://Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html

Khadzhimuradova, Kh.Z. (2016). Problems of the Russian modern family. *Current problems of the modern family: theory and practice*. Grozny: ChSPU. (in Russian)

Shakhbanova, M.M. (2016). Patriotic sentiments in the attitudes of the Dagestan peoples. *Bulletin of the Institute of IAE*, *4*, 150-162. (in Russian)

For citation: Abdulagatov, Z.M. (2021). Problematic Issues of Russian Patriotism (the Republic of Dagestan Case Study). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 64-75.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071

REVIEW OF MONOGRAPH «THE ARCHEOLOGY OF MEDIEVAL ISLAMIC FRONTIERS FROM THE MEDITERRANEAN TO THE CASPIAN SEA»

Sarakaeva Asia

Hainan University, Haikou, China
E-mail: asia-lin@mail.ru

ABSTRACT

This work reviews a monograph edited by A. Asa Eger «*The Archeology of Medieval Islamic Frontiers from the Mediterranean to the Caspian Sea*». Louisville: University Press of Colorado. Volume: 233 pages. Date of publication: 2019. ISBN: 978-1-60732-878-0. Hard cover. Language: English.

KEYWORDS

Frontier; Middle ages; Islam; archeology; center and periphery.

ОБЗОР МОНОГРАФИИ «THE ARCHEOLOGY OF MEDIEVAL ISLAMIC FRONTIERS FROM THE MEDITERRANEAN TO THE CASPIAN SEA»

Саракаева Ася

Хайнаньский университет, Хайкоу, Китай
E-mail: asia-lin@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье дается обзор коллективной монографии под редакцией А. Азы Игер *«Археология средневекового исламского фронитра от Средиземного до Каспийского моря»*. Луисвилл: Университетское издательство Колорадо. Объем: 233 с. Дата публикации: 2019 г. ISBN: 978-1-60732-878-0. Твердая обложка. Язык публикации: английский.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Фронтир; Средневековье; ислам; археология; центр и периферия.

Ассоциация ASOR (Американские школы востоковедческих исследований) в 2011-2013 гг. посвящала свои ежегодные собрания обсуждению проблем и достижений в изучении исламского фронтира на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, результатом чего и стала публикация настоящей коллективной монографии. При этом главный редактор монографии Аза Игер подчеркивает, что фронтирные зоны, окружавшие исламский халифат на протяжении Средних веков, можно условно поделить на главные, то есть те, на которых разыгрывались наиболее важные исторические конфликты и происходило самое активное взаимообогащение культур, и второстепенные. К главным конгресс востоковедов отнес северный фронтир – с Византией, иберийский фронтир в Андалусии, и восточный иранский. Но особенно интересно, что данная монография посвящена малоизученным регионам второстепенного фронтира: западного (средиземноморские острова и Магриб), южного (Египет и Нубия) и восточного (кавказско-прикаспийский регион).

Как и явствует из названия книги, авторы монографии основывали свои умозаключения преимущественно на находках археологии, тем не менее, они очень широко используют и письменные источники. Да и вопросы, поставленные перед авторским коллективом, так масштабны, что их было бы невозможно охватить силами только одной научной дисциплины. Главный вопрос тома во введении сформулирован так: «Какую роль исламская политическая и религиозная идеология сыграла в разграничении реальных или воображаемых пространств при формировании фронтиров?» Но, словно эта задача недостаточно сложна, авторы задаются и еще более амбициозной целью – переосмыслить взаимные отношения и взаимные потенциалы центров и периферии в целом и определить источник и путь распространения социальных, культурных и экономических перемен в средневековых мусульманских обществах.

В вопросе о соотношении центра и периферии на исламском фронтире наиболее известным является подход Броэра, который доказывал, что между обитателями центральных районов (городских и особенно столичных центров, густонаселенных и давно обжитых территорий) и жителями периферии существовали иерархические отношения: в большинстве случаев общины периферии были колониями либо факториями центральных районов. Они были вовлечены в неравный обмен с населением метрополии, предоставляя им ресурсы и охраняя для них границы; они были бедны и слабы как в экономическом, так и в культурном отношении, тогда как власть, богатство, религиозный и культурный импульс всегда исходили из метрополии, распространяясь от центра к окраинам (Brauer, 1995, с. 1-73). Однако авторы настоящей монографии, вместе со многими другими учеными, исследовавшими фронтирную проблематику в XXI веке, совершенно не согласны с такой категорической оценкой: они настаивают, что центральность столицы и окраинность периферии создаются исключительно методами государственной пропаганды и являются, таким образом, вопросом перспективы. Сам же по себе фронтир, с собственной перспективы, тоже был центром, он имел свою повестку, свои интересы и пользовался влиянием, в том

числе и на метрополию. И именно то взаимопроникновение языковых, этнических и религиозных идей, которое характеризует фронтир, порождало мощный толчок и провоцировало изменения во всем исламском мире.

Наиболее интересной частью монографии для нас является, естественно, та, которая посвящена прикаспийскому региону, – глава за авторством Карима Ализаде «Пересекающиеся социально-политические границы. Рубежи Сасанидской империи и Исламского халифата на Кавказе». Автор начинает с утверждения, что государственные границы в их современном понимании как демаркационные линии, жестко разграничивающие суверенитеты, территории и народы, впервые возникают только после Вестфальского мира 1648 г. в Европе, тогда как для средневековья были характерны не границы, а широкие фронтирные зоны. Тем не менее, его собственный предмет изучения, Большой Кавказский проход, является исключением из того правила.

Ализаде показывает, как Дербентский комплекс укреплений, созданный Сасанидской империей как пограничный барьер для защиты от кочевников с севера, впоследствии использовался в той же функции всеми государственными образованиями, владевшими этой территорией, в частности Хазарским каганатом, а затем и Аббасидским халифатом. Впрочем, это совершенно предсказуемо. Интереснее другой постулат автора – о том, что государства сознательно трансформировали этническую структуру приграничного населения, прибегая, в частности, к массовым переселениям людей из собственного политического центра во фронтирную зону, и подобные переселения следует рассматривать «как разграничительную практику и часть процесса построения границ» (Archeology, 2019, с. 140). Так, еще Хосров I (531-579 гг.) переселил огромное количество иранцев в этот регион с целью обезопасить прикаспийское побережье и обеспечить своей империи лояльность тамошних жителей. После поражения, которое Византия нанесла Сасанидскому Ирану, этот регион достался союзникам Византии хазарам, а затем, к концу VII в., – халифату. И в течение всех этих войн, в которых Большой Кавказский проход переходил из рук в руки, как арабы, так и хазары переселяли собственное население в район проходов, особенно в Дербент.

Подводя итоги, мы можем сказать, что монография «Археология средневекового исламского фронтира от Средиземного до Каспийского моря» вносит ценный вклад в осмысление природы и логики существования фронтирных зон Средневековья. К сожалению, она мало помогает понять собственно религиозное взаимодействие в полосе исламского фронитра. В качестве примера можно привести ставшую знаменитой находку фрагмента буддийской сутры на китайском языке в Мощевой Балке на Кубани. Посвятившая этой сенсационной находке статью Таша Фордерштрассе признает, что по самому факту обнаружения сутры и нескольких сопутствующих буддийских артефактов невозможно судить, применялись ли они для проповеди буддизма, и тогда перед нами свидетельство миссионерства на дальних окраинах Великого шелкового пути; или они просто использовались в личных целях каким-то китайским купцом, который умер на чужбине и был похоронен на Западном Кавказе. И конечно, нет никаких сведений

о массовом проникновении в регион буддизма и о реакции местных общин на иноконфессиональную проповедь.

Тем не менее, авторы максимально полно и добросовестно используют имеющийся у них материал, и монография в целом оказывается весьма полезной для понимания этнических, религиозных и политических процессов в изучаемом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brauer, R.W. (1995). Boundaries and Frontiers in Mediaeval Muslim Geography. *Transactions of the American Philosophical Society, New Serie*s, *85*(6), 1-73.

Asa Eger, A. (2019). *The Archeology of Medieval Islamic Frontiers from the Mediterranean to the Caspian Sea*. Louisville: University Press of Colorado.

Для цитирования: Саракаева, А. (2021). Обзор монографии «The Archeology of Medieval Islamic Frontiers from the Mediterranean to the Caspian Sea». *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(3), 76-79.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-073-076

For citation: Sarakaeva, A. (2021). Review of Monograph «The Archeology of Medieval Islamic Frontiers from the Mediterranean to the Caspian Sea». *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(3), 76-79.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-3-1-073-076

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУВО "Астраханский государственный университет"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88